

Д.ДЖ.ШТОЛЬЦ

ЧАСТЬ ИХ БОЛИ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

Демонология Сангомара

Д.Дж. Штольц

**Демонология Сангомара.
Часть их боли**

«Автор»

2023

Штольц Д.

Демонология Сангомара. Часть их боли / Д. Штольц — «Автор», 2023 — (Демонология Сангомара)

6-я книга цикла. Все рано или поздно заканчивается. Так и для истории Юлиана, Филиппа и Йевы багровеет закат. Каждый из них сделал свой выбор, а каковы будут последствия — расскажет эта книга. Исход южной кровопролитной войны Трех Королей, распутывание клубка дворцовых интриг, завершение противостояния графа Праотцам и, наконец, окончательное решение Юлиана. Обернется ли он назад? Смерит ли свою гордыню? Распознает ли, кто истинный друг, а кто — враг?

Содержание

Глава 1. Погоня.	6
Глава 2. Данк-Хыш.	18
Глава 3. Надтреснутый совет.	41
Глава 4. Переговоры	52
Глава 5. Отчий дом.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Д.Дж. Штольц
Демонология Сангомара. Часть их боли

*На все есть в жизни воздаяние.
За доброту получим злодеяние,
Бесчестье обернется отражением,
Расплата за любовь – мучение!
Но независимо от этой круговерти,
Мы платим за попытку жизни всяко смертью...*

Глава 1. Погоня.

Было раннее утро. На землю, будто облако, опустился морозный туман, посреди которого стоял погруженный в сонное затишье бивуак. Вокруг него раскинулись почти бескрайние холмистые равнины, кое-где прорванные небольшими рощами и одиноко стоящими деревцами. Одно такое дерево, ель, вздыбалось прямо посреди бивуака, и среди его ветвей неожиданно каркнул ворон. Каркнул неприятно. Ноэльский караульный поднял голову, придержал шлем и шикнул на него, потряс алебардой.

Старый ворон подпрыгнул, тяжело вспорхнул, но тут же приземлился на сук повыше – где безопаснее. И снова он продолжил глухо каркать, раздражая всех вокруг.

Тогда караульный нащупал под снегом камень, уж было взялся за него, чтобы бросить в птицу, однако та успела вовремя покинуть ель. Шумя крыльями, она пролетела над коновязью, навесами, повозками и будто нарочно приземлилась туда, куда не следовало – на голубой расписной шатер Мариэльд де Лилле Адан. Вцепившись когтями во флагшток, она снова угрожающе каркнула. Караульному пришлось опустить занесенную руку с камнем, и он в бессилии зашипел, оголив клыки.

– Кыш! Пошел вон, чертов ворон. Убью!

Однако ворон, матерый, с большой лохматой бородой под клювом, будто знающий, что угрозы для него нет, никуда не улетал, а лишь хлопал крыльями и каркал. Его глухой сиплый голос противно разрезал окружающую тишину, заставляя просыпаться всех тех, кто еще сладко спал под стегаными одеялами.

Откинув полог богатого шатра, в снежную завесу ступила Мариэльд де Лилле Адан. Охрана тут же согнулась в поклоне. Сама же графиня, кутаясь в шаль, стала задумчиво разглядывать птицу на верхушке своего красивого шатра.

– Позвольте, тео? – шепнул один из караульных, поднимая камень.

– Не позволю. Только глупец убивает посланца, пусть и явившегося с дурными вестями. Ада... Ада! Найди мой голубой плащ с кунницей!

Служанка явилась из шатра серой тенью и накинула на плечи хозяйки плащ. Пригладив меховой воротник, Мариэльд вздохнула и продолжила рассматривать ворона. Тот тоже глядел на нее, поворачивая голову и мигая то одним круглым черным глазом, то другим. Затем графиня прислушалась и перевела свой взор уже на окрестности. Прошлым вечером лагерь был наспех окружен повозками, служащими в качестве ограждения. Посередине были установлены такие же скорые навесы, где, укрывшись льяниками, еще посапывала часть прислуги. Из-за вороньего крика многие уже просыпались, потягивались – и лагерь медленно оживал.

Скоро все должны тронуться в долгий путь.

– Прикажете собирать вещи? – спросила Ада.

– Нет. Это бесполезно.

– Почему, тео Мариэльд?

– Мне эти вещи более не понадобятся, – ответила графиня, снова взглянув на замолкнувшего на флагштоке ворона. – Хотя подай мне еще, пожалуй, платок. Может, пригодится. Кто знает, насколько далеко простирается *его* учтивость...

Каркнув единожды, ворон тяжело взлетел и исчез в морозной дымке. Мариэльд проводила его долгим взглядом, затем вернулась в свой богатый шатер.

* * *

Пока бивуак медленно пробуждался, двое вампиров-караульных переговаривались около коновязи. На их лицах ясно отпечатывалась неприязнь к тому, о чем они говорили. Не нравились им эти черно-белые пейзажи, где ветер метался унылый, пустой, будто бы обезличенный. Караульные мечтали о своих родных просторах, – о любимом и волнующем сердце Ноэле, –

куда стремились всей душой. Им можжевельных лесов хотелось! И чтобы Фелл выдувал из своих ноздрей крепкий ветер, полный свежести, отчего море грозно рокотало бы у пристани Луциоса, разбиваясь об нее в белую пену.

Вздыхнув, Луан пожаловался своему товарищу.

– Мерзость, а не Север. Согласись...

– Мерзость. А чего это тео приказала не собираться? Разве не спешим ли мы в Ноэль? Вон, две недели без роздыха почти.

– Может не в духе... Все равно же собираемся, чтоб быстрее миновать эти проклятые земли.

Тут Луан вдруг встревожился.

– Ты слышишь? – спросил он.

– Слышу, земля гудит. Вспомни, она также гудела у того села на распутье, – хмуро отзывался его напарник.

– Да нет. Вслушайся!

– Слушаю, точно земля гудит. Неудивительно, почему все здешние демоны давно сбегали на юг. Чтоб этот Север с его вечной тряской дюжи затопили!

– Ладно, схожу-ка проверю.

И Луан со вздохом уставшего южанина, которому опротивел этот север, да так опротивел, что сил больше не было его терпеть, стал взбираться и спускаться по низким холмам. Он все шел, шел среди морозного тумана, размышляя, что, поди, в Ноэле еще должно быть тепло. Однако вскоре мысли его прервались. Он замер, вслушался – из-за кряжа донесся уже не неясный отдаленный гул, а конский топот.

Атакуют! Их атакуют!

Луан помчался обратно к лагерю. Позади него все сильнее сотрясалась земля, а мерзлый воздух наполнился звонким ржанием приближающихся коней. Когда он уже подбегал к возведенному из подвод ограждению, из снежного тумана за его спиной родилась огромная тень. Оглянувшись, Луан увидел, как эта тень обернулась всадником в желтом табарде. Сверкнуло острие копья. Луана насадили на ясеневое древко и, вопящего, протащили еще с десятков васо в воздухе, пока копье не обломилось. Из тумана просачивались и другие всадники, напоминающие скорее гримов. Они явились молча, без каких-либо криков, без возвещений, за кого же они сражаются. В руках у них развевались бело-желтые знамена с гарпией в трех лентах – знамена барона Бофровского.

Бофрайтское войско напало на бивуак.

Нападавшие сразу отрезали ноэльцев от коновязи, где находились все лошади. Там же сшибли, затоптали пару караульных. Среди ноэльских слуг началась паника. Истошно заверещали служанки. Многие кинулись кто куда, не разбирая дороги. Поначалу бивуак стал местом не сражения, а резни. Чуть погода с ноэльцев спало оцепенение, и кто мог – похватался за оружие, чтобы дать отпор. Их недолгое замешательство развеялось, когда они поняли, что нападавших примерно столько же, но они – люди. Те, кого не затоптали быстрым набегом, кто не пал от пронзающего копья, кто не растерялся, собрались в сердце лагеря – у самого большого голубого шатра. Там они выстроились плотной непоколебимой стеной, чтобы защитить находящуюся внутри Мариэльд де Лилле Адан.

Наступальный порыв иссяк, атака захлебнулась среди палаток, мешков с зерном, костров, выстроенных из повозок ограждений. Лагерь был обустроен тесно, на больших широкогрудых конях не протолкнуться. Поэтому бофраитцы спешили – и беглым шагом двинулись дальше. В руках у них горели кровью копья и мечи.

Их вел за собой предводитель, укрывший свои доспехи за желтым табардом.

Около шатра два малых войска столкнулись, не щадя. То был бой не на жизнь, а на смерть. Люди и вампиры. Бофраитцы наседали копьями, выставив их вперед и коля, а ноэльцы

– отбивались. В какой-то миг ноэльцы сами решили перейти в наступление, сыграть на страхе людей перед собой. Но страха они не обнаружили. Бофраитцы шли на них зло, яростно и скоро. Вскоре, видя, что их продолжают атаковать, невзирая на потери, строй вампиров дрогнул.

Тогда они попытались атаковать предводителя нападавших. Трое навалилось на него, скрывшего доспехи за желто-белым табардом со знаменами Бофраита. Но он даже не порывался отступить. С яростным криком, сверкая синими глазами, главарь кинулся в самую гущу. Он был сердцем атаки. На его щит с замазанным грязью гербом обрушились удары, щит тут же не выдержал – треснул, осыпал щепками. Но главаря это будто бы и не поколебало даже на миг. Он продолжал давить стену, выросшую перед расписным шатром графини, кидался на нее, как голодный волк. В нем кипели сила и сухая злоба. Ноэльцы были быстры, но он – быстрее. Они были неустойчивы в бою, но он – неустойчивее. Они кололи его, били, но он будто не чувствовал боли, и каждый, посмеявшийся занести на над ним клинок, падал замертво.

Теперь уж строй ноэльцев совсем рассыпался, как снег вокруг них. Они поняли, что на них напали не из желания наживы, а из лютой злобы. На них напали, как на злейших врагов! Под таким яростным натиском и выучкой, удивительной для людей, вампиры кинулись врассыпную. Бросили все: и расписной шатер, где укрылась графиня, и саму графиню, а также весь скарб и сундуки.

А в самом шатре Мариэль де Лилле Адан окружили слуги. Прислуга то испуганно хваталась за дорогие вещи, будто желая спасти их, то рассеянно оглядывалась, то в каком-то оцепенении вслушивалась в звуки боя снаружи. Цирюльник Пайот нервно дергал свою бессменную сумку, украшенную ноэльскими голубыми олеандрами.

– Тео, тео! – молила слезно айорка Ада. – Нужно бежать!

– В этом нет никакого смысла, – отвечала спокойно графиня.

– Мы выведем вас! Тео, пойдемте!

– Лагерь уже окружен. Никто отсюда не уйдет живым.

– Тео... молю...

Однако графиня так и не ответила.

Тогда Ада замерла. Она качнулась от горя и закрыла глаза руками, не желая воспринимать все происходящее. Ведь они ехали в Ноэль, куда она стремилась всем сердцем, как мать и жена, желая увидеть двух своих детей и оплакать умершего мужа Кьенса... Но сейчас за шатром раздавались крики. Отвратительно бряцало железо. Также отвратительно пахло кровью. Ада всегда любила запах крови – этот сладостный, тягучий запах наслаждения, который многие вампиры на юге называли «красным золотом». Однако здесь, в лагере, кровь пахла иначе – она пахла смертью, и то была смерть ноэльских слуг. Что с ними сделают? Убьют? Но как они вообще посмели напасть на них? Что же происходит?

Потерявшись в мехах, Мариэль стояла величественно. Она безразлично слушала, как снаружи за нее умирают ее вампиры. Их было порядка полусотни, – грозная сила, но не против такого сплоченного и злого врага. Не выдержав звуков сечи снаружи, Ада разрыдалась и кинулась к другой стороне шатра. Ее тонкое тело изогнулось, и айорка, бросив горестный взгляд на хозяйку, взгляд последний, пролезла между настеленными льняниками и тяжелым голубым пологом. Она побежала в снежную завесу. Следом за ней после недолгого промедления бросился и цирюльник Пайот, с трудом волоча за собой сумку. Впрочем, стоило ему лишь показаться снаружи, как его тут же настигло лезвие неприятельского меча.

Ада же чудом вырвалась из железных тисков и теперь бежала в тумане. Сзади донеслось ржание. Затем грубые окрики «Догнать!». За ней бросился в погоню кто-то тяжелый, ибо конь под всадником измученно хрипел, а сам всадник громыхал доспехами. Чувствуя ужас, Ада пробежала заснеженный холм. За ним она увидела реку и кинулась к ней, как к спасительнице, чтобы укрыться в ее ледяных водах.

Однако перед ней, вынырнув из снежной завесы, вдруг явился рыжий конь. Ада вскрикнула и остановилась.

Тяжело дышащий от старости воин в удивлении посмотрел на женщину, глядящую на него снизу вверх. У нее еще не были заплетены по-ноэльски косы, а потому перед преследователем она предстала стройной и женственной. Платье облегло ее тонкую фигуру, а сама она дрожала от ужаса и глядела глядела испуганным взором лани. Рука воина невольно дрогнула, а копьё зависло над милой головкой, обрамленной темно-серыми волосами.

Казалось, будто воин сомневался – демоница ли перед ним? Или беззащитная женщина?

Однако тут беззащитная женщина вдруг оскалилась клыками. В неистовом желании жить – хотя бы ради своих детей – она схватилась за копьё, потянула его на себя. Внешне она выглядела слабой, но воину показалось, будто лишила его оружия могучая сила, присущая скорее рыцарю, нежели женщине. Изогнувшись, Ада сделала выпад. В каком-то непонятном удивлении преследователь посмотрел сначала на нее, потом на свой нагрудник, чувствуя, как острие вошло аккуратно между ним и его наплечником. Покачнувшись в седле, он понял, какую ошибку совершил и впился в бока коня шпорами. Ада испуганно зашипела. От укола рыжий конь захрипел и встал на дыбы, а его тяжелое копыто ударило женщину, отчего та, вскрикнув, упала наземь с раскроенной головой.

Воин же, чувствуя, как горячая кровь толчками заливает его нагрудник и перчатку, с трудом достал из ножен меч. Однако, так и не в силах вернуться к лагерю, где бушевало сражение, он качнулся раз, качнулся два, хватаясь за поводья – и с грохотом доспехов выпал из седла. Похоже, Граго все-таки настиг его, подумал он в последний раз. Смерть застала его глаза...

* * *

На одинокую ель вернулся все тот же старый лохматый ворон, выделяющийся на фоне окрестностей своей угольной чернотой. Тяжело приземлившись, отчего с ветви осыпался снег, он принялся глухо каркать. Ворон передвигался короткими скачками и глядел на происходящее внизу.

Утренняя полутьма уже рассеялась, поддавшись солнцу – и снежная пыль слепила взор.

Мариэльд вывели из шатра. Она стояла посреди полного трупов бивуака, скрестив руки на груди, и то ли с безразличием, то ли с высокомерным презрением глядела на своего захватчика. Захватчик, весь в крови, будто искупался в ней, снял шлем. Седые волосы рассыпались плечам. Однако то оказался не барон Бофровский, а Филипп фон де Тастемара. Во взгляде его была холодная злость – такая злость куда страшнее пламенной ярости; такая злость способна намеренно похоронить весь мир под пеплом лишь из соображений мести.

– Это заслуга не твоя, а твоих коней, – заметила Мариэльд. — Не зря ходят легенды, будто они появились от загулявшей у берега кобылы, на которую наскочил кельпи.

– В конце этой старой дороги, у Вертеля, тебя бы настиг отряд Теората Черного, – ответил сухо Филипп.

– Не настиг бы.

– И почему же?

– Потому что многие понимают, что лучше подлая жизнь, чем мертвая честь. Вот и Теорат живет не честью, Филипп, как ты, а соображениями, как выжить. Опасаясь моего брата и его мести, он бы позволил мне пересечь Летардийские земли и сообщил Летэ о том, что не обнаружил меня – а лишь мои следы. И он бы поступил разумно, желая сохранить себе жизнь. В отличие от тебя...

Филипп ничего не ответил – он уже зашел слишком далеко, чтобы пугаться угроз. Он ступил на тропу войны, и к этой войне был готов духом. К нему подошел молодой Лука Мальгерб, также одетый в желто-белый бофрайтский табард. Держа шлем на сгибе локтя, он поклонился и прискорбным и глухим голосом отчеканил:

– Двадцать пять наших погибло, – речь шла о трети войска.

– Ноэльцев много ушло?

– Да, – кивнул капитан.

– Сколько?

– Больше половины. Видели убегающих слуг.

– Хорошо. Значит, они сообщают в Ноэле то, что нам нужно. Прикажи прямо сейчас нескольким верховым в бофрайтских табардах проскакать рысью подле ближайших деревень, на северо-востоке, в трех милях отсюда. Но прикажи проскакать на расстоянии – иначе местные живо распознают подлог. Пусть даже местные считают, что это на графиню напал барон Бофровский.

И Филипп зло усмехнулся, вспоминая, как его отряд по пути наткнулся на отряд барона Бофровского, разыскивающего беглеца Ольстера. Филипп им тогда объяснил, что не стоит тревожить покой старейшин, да так объяснил, что с трупов потом знамена и доспехи собирал для своей задумки. А тем солтам, на кого табардов не хватило, приказал укрыть гербовые отличия Тастемара плащами или замазать грязью.

– А что делать с добычей? – спросил Лука.

– Возьмем лишь золото, фураж и коней. Они нам пригодятся. Все остальное, имеющее ценность, надобно выволочь из шатра, собрать с трупов и утопить в реке, – приказал граф. А затем, различив горе в карих глазах молодого командира, спросил. – Твой отец тоже погиб?

– Для него это честь, милорд!

Нахмурившись, Филипп снял со своих плеч роскошный черный плащ, подбитый белкой и окропленный вражеской кровью, и передал его Луке. Тот принял последний дар для своего отца с достоинством – каждый из солровских конников мечтал о таком проявлении уважения со стороны господина.

– Прикажи подготовиться к скорым похоронам для наших людей. Нам нужно срочно отбыть.

– Без отдыха?

– Да, – ответил граф.

– Но есть раненые...

– Тяжелые?

– Нет.

– Тогда пусть отдыхают и перевязываются, пока идут похороны. У нас нет времени на такую роскошь, как отдых, Лука... Все сделаем по дороге. Позови из рощи слуг и Жака. А пока пересядем на свежих ноэльских, и на них погрузим выюки, – и Филипп отрывисто добавил, не терпя возражений. – Пошевеливайтесь!

Лука пошел исполнять приказ. По традиции своих земель он укутал почившего отца в графский черный плащ, чтобы вскоре уложить его в наскоро выкопанную могилу вместе с другими солтами. Те, кто не копал могилы, принялись перегружать мешки с зерном. Другие помогали раненым с перевязками, чтобы не задерживаться и тронуться в долгий путь. Всё делали быстро. Гвардейцы жили так уже долгое время – в изнуряющей поспешности. Ели быстро, спали, прикрыв лишь один глаз, в города почти не заезжали – только чтобы обнаружить след беглянки.

Мариэльд, доселе покорно стоящая посреди бивуака, вздернула брови и отвела руку в грациозном жесте.

– Твой трюк со знаменами Бофраита сработает лишь ненадолго, – заметила она.

– Дольше и не нужно, – спокойно ответил граф.

– Действительно. Какая разница, когда ты заплатишь дорогую цену: неделей позже, неделей раньше? Все равно в конечном итоге на твоих руках умрут все твои дети и друзья. Ты похоронишь их всех и снова останешься один. Одиночество – это твое проклятье и безумие...

– с улыбкой произнесла Мариэльд.

Не успела она договорить свои злые слова, чтобы разбередить старые раны, как Филипп взмахнул клинком. Графиня невольно вскрикнула, а ее вытянутая кисть отделилась от руки. Кисть упала на землю, тут же сморщившись, почернев и вдруг рассыпавшись в прах. Лишь голубое сапфировое кольцо осталось лежать посреди праха – оно ярко лучило под солнцем, как порой лучит ноэльское море. Тогда Филипп наступил сапогом на это кольцо и вдавил его в грязь. Втоптав его, он достал кинжал и подошел к графине. Она гордо сжала губы, понимая, что с ней хотят сделать, но от повторного крика не удержалась. Лезвие перерезало ей вместе с тканью сначала сухожилие правого плеча, потом – левого, отчего кровь побежала по ее голубому платью, обогрив его. Затем Филипп обошел ее, склонился, приподнял юбку платья и полоснул уже по пяточным сухожилиям, чуть выше украшенных жемчугами туфель. Мариэль завалилась назад. Он подхватил ее. Ее, с безвольно повисшими руками и ногами, Филипп молча понес прочь, завернув перед этим в ее же плащ.

Ее угрозы остались без ответа. Впрочем, глаза графа были серьезны, ибо угрожали ему не от страха, а от уверенности, что эта угроза воплотится в жизнь.

У высокого холма Филипп передал графиню, которая не могла пошевелить даже пальцем, другим гвардейцам. Сам он встал с краю могилы и хмуро оглядывал лица убитых, тех, кто верно и преданно служил ему, тех, кого он знал по имени. В могиле лежали двадцать пять крепких мужчин, даже среди которых сэр Рэй Мальгерб казался медведем. Ни один из них не сбежал, когда стало известно, что поутру они нападут на полный вампиров лагерь. Ни один не попытался уклониться от сражения, зная, что враг в бою один на один заведомо сильнее, быстрее и живучее, – все они пошли вслед за Филиппом.

Зазвучали молитвы Ямесу о упокоении души.

Шумно выдохнув, Филипп отвел взор от мертвого лица рыцаря и стал помогать забрасывать могилу землей, чтобы не отдать тела на растерзание зверью. Когда братская могила была засыпана, он вернулся в лагерь. Там уже выволакивали из расписанного олеандрами высокого шатра все походные сундуки и тюки. Погрузив на коней, их подвозили к берегу широко разлитой реки Вёртки, где и притапливали. Арзамас, тяжелая парча, обшитая золотыми нитями, нежные воздушные сорочки, изысканные украшения, выполненные ноэльскими мастерами из серебра, обрамленные сапфирами и агатами, кружевные перчатки, платки, оборочки для поясов, а также бесчисленное множество того, чего обычному воину никогда не вышло бы увидеть или даже понять, для чего оно надобно, – все это медленно погружалось в ледяные воды, темнело, темнело, пока и вовсе не пропало на глубине. Солры продолжали стаскивать все в тупом изнеможении, даже не думая, что сейчас они похоронили под водной твердью трехгодовой доход графа Тастемара со всех своих земель.

Чуть погодя к Филиппу подошел Лука, который порой горестно оборачивался к братской могиле, где лежали его отец и его братья по оружию.

– Фураж погрузили, Лука?

– Да, господин...

– Все верховые, посланные со знаменами Бофраита, вернулись?

– Да.

– Хорошо. Тогда нам пора отправляться. Распорядись. Быстрее!

– Что встали! Всем собираться, живо! – закричал Лука, подгоняя солтров.

Филипп усадил беспомощную графиню впереди себя и поскакал на запад по Дриадскому тракту, вдоль реки. Его еще долго провожал взглядом старый ворон, который сидел на ели. А когда все скрылись за горизонтом, этот ворон тяжело слетел с ветви, присел уже на труп ноэльского вампира – и принялся лакомиться сочными нежными глазами, пока не нагрянули мародеры для разграбления остатков бивуака.

* * *

Солровские конники спешно покинули место побоища. После этого они двинулись окольными дорогами в сторону Вертеля. И если погоня за графиней истощила их силы, то это странное передвижение, будто они теперь от кого-то отчаянно убегали, и вовсе выжало их, как тряпку. Дни и ночи они пробирались старыми забытыми тропами, топя коней в грязи по брюхо. Дни и ночи они знали лишь короткий роздых, лишенные сна, продрогшие, голодные – отчего один гвардеец скончался от лихорадки, буквально вывалившись на ходу из седла уже мертвым. Дни и ночи сливались для них в одну всепоглощающую серую пустоту – и они очень устали.

Но их всех продолжала гнать воля их господина, которому они были верны.

В один из дней, наконец, показался уже припорошенный снегом город Вертель. Верховые прибыли на большую развилку, где сливалось множество дорог. С этой развилки можно попасть в любой край Севера, выехав на большие тракты, поэтому все были уверены, что двинутся на оживленный северо-восток – к Йефасе. Ведь всё сводилось к тому, что пленницу для суда следует доставить в Совет, откуда она и сбежала.

Однако вместо этого граф направил коня в противоположную сторону – на северо-запад, в пустые земли.

Никто ничего не понимал...

С каждым днем ведущий в Йефасу большак становился от них все дальше и дальше. Мельчали города. Даже деревни – и те встречались все реже. На горизонте начинали возвышаться пока еще неясные очертания снежных гор. Горы эти звались Астернотовскими – некогда они выросли из пустошей за десятилетия, были остры и молоды, а оттого пользовались дурной славой, как порождения демонической воли. Поговаривали, в этих краях люди почти не живут, а те, что живут, поклоняются больше не единому Ямесу, а небу и небесным тварям: гарпиям и торуффам. Можно ли ждать чего хорошего от таких людей?

И Филипп упрямо продолжал скакать в направлении этих хребтов, заставляя всех гадать – зачем их господину понадобились эти страшные безлюдные земли? Разве не должен он явиться в замок к сюзерену – Летэ фон де Форанциссу?

В одну из ночей, когда лагерь без знамен разбили в чистом поле, около замерзшей речки Боронбар, чтобы наскоро отдохнуть, Филипп сидел у костра. Его руки занимались ремонтом поизносившейся уздечки. Огонь от трещавшего искрами костра выхватывал из мрака его худое старое лицо. По своему обыкновению, граф казался ко всему равнодушным, как камень, ибо жил он уже достаточно долго, чтобы уметь прятать свои эмоции, однако резкие движения его рук, натягивающие щечный ремень уздечки, ясно выдавали затаенное напряжение.

Чуть погодя он приостановил свою работу, вслушался в окружающие равнины – они были на удивление безмолвны. Тихо сыпал снег. Где-то далеко раздалось недолгое уханье совы, которая бесшумно перелетала с одного редкого деревца на другое. Для графа ее полет был совсем не бесшумным, и он пытался понять: охотится ли эта сова за затаившейся под снегом мышью или причина ее кружения подле них совсем иная?

Мариэльд тоже слушала ночь. Она лежала у костра на подстеленных под ее безвольное тело одеялах. Ее голубой наряд из дорогого арзамаса, расписанный олеандрами, за долгий путь износился. Косы ее, доселе белоснежные, как снег, растрепались и посерели. Теперь она лежала около своего надсмотрщика, но на лице ее не было ни капли пережитых горестей; и даже наоборот, пока враг сидел и хмурился, она устало улыбалась.

– Меня ищут, – шепнула она.

– Пусть ищут, – отозвался холодно Филипп.

– И найдут. Мой брат скор на расправу – он не спустит тебе это с рук, как не спустит и младший из моих братьев, который, пока ты здесь, развернет по весне свои войска, проведет их через Стоохс и обрушит свой гнев на Солраг, а потом и Офурт. Но ты продолжаешь уперто следовать своей бессмысленной затее, которая приведет к смерти не только тебя, но и твои земли, и твою дочь. Умно ли это?

Граф смолчал. Тогда Мариэльд продолжила, повернув к нему свой лик, ибо телом она повелевать не могла. Голос у нее был мягким-мягким, как пух, вкрадчивым – она умела и любила так говорить.

– Ты полагаешь, что пути назад нет...

– Вы сами развязали войну, – жестко обрубил Филипп.

– Но я могу уговорить моих братьев быть милосердными.

– Меньше всего я нуждаюсь в милосердии! Другое дело, что нужно вам от деревенских мальчишек, Уильяма и Генри?

– Юлиана, – невозмутимо поправила графиня.

– Уильяма, – также невозмутимо поправил Филипп. – Раньше мы списывали пропажу других старейшин на злой случай или на противодействие нам клана Теух. Однако, выходит, это ваших рук дело? А Као Шанрис, которого до сих пор разыскивает граф Джамед Мор, тоже пропал вашими усилиями? Сколько еще пало наших?

– Много.

– Зачем?

– Часто ли боги снисходят к тому, чтобы объясняться с копошащимися у их ног червями? – улынулась мягко Мариэльд.

– Что же ты, божество, сейчас лежишь подле червя павшей, униженной? – усмехнулся граф, – Похоже, песни о вас и вашем могуществе чрезмерно приумножают вашу славу.

– Отнюдь, – парировала Мариэльд. – Они порой преуменьшают ее, приписывая наши заслуги счастливому случаю или некоему року... – голос ее сделался змеиным. – Так что ты верно делаешь, что боишься каждой подлетевшей близко сосновой совы, каждого неосторожного зверя или встречного путника, что изнуряешь себя и своих гвардейцев, избегая людных мест! Везде может укрыться мой брат, везде он и одновременно нигде, и он желает отомстить за меня. А месть богов ужасна... Хуже ее, пожалуй, – только ожидание этой мести. Долго ли ты так протянешь, не находя покоя и видя повсюду врага?

Воцарилась тишина. И снова на выпады не последовало никакого ответа – Филипп продолжил заниматься уздечкой. Не тем он был, кто позволял запугать себя, поэтому лицо его осталось таким же твердым, как и его воля. Однако графиню его молчание не устроило. Она еще некоторое время понаблюдала за падающим снегом, затем спросила – уже раздраженно, недовольно:

– Куда ты меня везешь?

Филипп промолчал, склонил голову, отчего седые пряди осыпались, сокрыли глаза. Его руки продолжали умело работать с щечным ремнем, а сам он вслушивался в окружающие их снежные равнины.

– Неподалеку отсюда Мошрас, где тысячу лет назад пролилась кровь Теух, – настойчиво продолжила графиня. — Ты должен был укрыться в его руинах, чтобы дожидаться других старейшин из Йефасы для суда надо мной. Но мы проехали руины еще вчера... Впереди остались только леса с Мориусом. А за ними – горы. И все... Что за безумная идея посетила тебя? Или ты думаешь затеряться в лесах, чтобы там тебя не настиг мой брат?

– Ты все пугаешь и пугаешь меня своим братом. Где же он?

– Занят, – ответила ехидно графиня. – Юлианом и Генри.

– Тогда ему придется поторопиться, – на лицо графа набежала тень.

Резко разогнувшись, Филипп начал обходить их место ночлега, караул и коней, лежавших подле друг друга. Густо повалил снег. Чем севернее они пробирались, тем сильнее крепчали морозы. Сейчас снег достигал копыт, но скоро они начнут продвигаться по колено в нем, утопая.

И вот граф Тастемара рассматривал спящие лица, глядел на вздрагивающего от холода мальчика Жака, которому не повезло оказаться в этом тяжелейшем походе, возможно не име-

ющем обратного пути. Мальчик кутался в два плаща, но ни одного слова жалобы на тяготы не сорвалось с его уст. Хотя порой благодаря чуткому слуху Филипп и мог слышать шепот этого еще безбородого юнца, когда тот убеждал сам себя, что прапрадед его, воюя бок о бок с Белым вороном, в 2022 совершил переход и пострашнее – по воющей вьюге до самих Тавинновских рудников. Граф не стал говорить, что слухи касаются того перехода были раздуты до неприличия, как это обычно бывает с былыми деяниями, когда воспевать больше нечего, а сам мальчик сейчас претерпевает сложности равные с теми, с которыми столкнулся его прапрадед.

Вернувшись к пленнице, которую ублажал снегопад, Филипп присел на льяник и вслушался в удаляющийся шелест крыльев. Не пролетит ли над ним снова та белоухая сосновая сова, видя глазами чужого существа? Не таится ли в снегах под видом рыси враг? Обманывает ли его пленница, говоря, что велисиалы способны вселяться в зверье? Или в ее словах есть зерно истины? Однако ночи и дни были пока спокойны, хотя все это время Филипп ни на мгновение не позволил себе провалиться даже в дрему, держа под рукой и меч, и лук. Он не знал, сколько судьба отведет ему времени, пока пропажа графини не будет замечена.

* * *

Впереди вырастал корабельный сосновый лес. Повезло этим краям с деревом. Да так повезло, что земли эти торговали мачтовыми рощами уже с несколько веков, отправляя дерево: и на Юг, и в Глеоф, – да вот леса от этого вокруг становились будто бы гуще. Хорошее это было место, светлое, не в пример темному Офурту. Нет, и в Офурте имелись места, подобные этим, однако их еще следовало отыскать посреди буреломов и горных ущелий. А здесь же куда ни пойдешь – везде диво, как все стройно, ровно и стремится к солнцу! Тут свет проникал под высокие кроны деревьев, разливался на заснеженных лужайках и играл мириадами блесков в ручьях и реках.

Все эти дни солровский отряд никто не беспокоил. Терзали их только холода, бессонные ночи и голод, потому что Филипп избегал любых поселений и отправлял туда лишь фуражиров. Поэтому все жили в походных условиях, охотясь на живность, ночуя в лесах и посреди равнин. Таким скрытным передвижением, убрав знамена и представляясь разными именами, граф пытался оборвать след и усложнить поиски велисиалов, когда те обнаружат пропажу своей сестры.

На закате дня безымянный отряд подступил под стены местного города – Мориуса.

Там Филипп пообещал дать возможность хорошо выспаться. Проехав деревянные ворота, Лука тут же стал жадно интересоваться у жителей касаясь приличной таверны, где можно было бы разместиться почти пяти десяткам воинов. И хотя телом Лука был крепок, как некогда и его отец, но душа его требовала мало-мальски нормального отдыха, когда можно было бы поесть, попить и дать костям покоя на нормальной кровати.

– В «Зеленую сосну» идите, – показывал рукой на примечательную зеленую крышу горожан. – Вот там и еда горячая всегда, готовят не из палок, и хозяин – душа-человек. Да и тем паче сейчас люду мало – зима!

И горожанин исчез в проеме своего деревянного дома, выходящим окнами на главную улицу. Тут же за ставнями его дома разлился свет от лучины. Лука кивнул и повел за собой отряд к такой же деревянной таверне «Зеленая сосна».

Мариэльд сидела в седле перед Филиппом, который не рисковал отдалять пленницу от себя ни на шаг. Пока крепкие широкогрудые кони медленно шли по улицам к благодатному свету таверны, который разливался сквозь сыплющийся снег, граф невольно вдыхал запах белоснежных волос Мариэльд, придерживая ее. Мысли его металась между морским Ноэлем, представляя, каким стал Уильям за годы жизни с этой коварной женщиной, до своих земель. Прибыли ли уже туда гонцы?

Среди ночи гвардейцы прихлебывали луковой похлебкой с пшеном и салом, а также причмокивали от ее сытности и той теплоты, что прокатывалась внутри их брюха. Таверна и в

правду оказалась хорошей: из еще пахнувшего сосной дерева. Запахи сосны сливались с пивом, кашами и мясом, что готовилось для голодных солров на кухне. Пока солры черпали ложками из мисок, мимо них пробежал запыхавшийся Жак, который уже поел и теперь нестерпимо хотел спать, но господин послал его за тавернщиком.

– Вас хотят наверх! – крикнул он хозяину заведения и отдышался, ибо бежал с третьего этажа вприпрыжку через одну ступеньку.

Тавернщик отер руки о полотенце и повесил это же полотенце за пояс. Затем, вздохнув, то ли от тревоги, что его зовет к себе этот седовласый мужчина, который так и не назвал своего имени, то ли от усталости, медленно побрел наверх.

Жак остался внизу, наблюдая за толпой жадно едящих солров. На первом этаже днем обычно стоят гам и столпотворение. Но сейчас он был погружен в полутьму. Лишь одна свеча горела на прилавке, роняя мягкие тени на стулья, столы, спины и солров, а также на лицо Жака, который сел за стол, подпер кулаком обросший пушком подбородок и прикрыл в дреме глаза.

Между тем, хозяин заведения подошел к двери комнаты, отер пот с оплывшего лица и постучал. Затем вошел. На двух сдвинутых кроватях, самых больших, которые нашли, сидел с краю его гость. А у стены лежала седовласая и закутанная в шерстяные одеяла старая женщина. Она лежала и глядела в стену, скрючившись. «Куда это он ее, такую больную, везет?» – подумал тавернщик, приняв эту странную неподвижность за болезнь.

– Вы-ть звали? – сказал он как можно почтительно.

– Звал, – отозвался холодно гость. – Скажи-ка мне, тавернщик, какие поселения и города расположены севернее Мориуса?

– Севернее?

– Да, в горах.

– А-ть! Только пастушьи кочевые. Но и то уже не везде. К Хышу уже не идут. Остерегаются гудения.

– Почему?

– Так гудение земли... господин...

И хозяин заведения склонил большую голову, словно искренне не понимая, почему гостя не устроил его ответ. Однако тот лишь нахмурился и грозно заметил:

– Тавернщик, я не местный! Изъясняйся понятнее. Недавно было землетрясение?

– Извините, господин. Да... Три года назад подле Хыша загудела земля, аккурат после перелета торуффов. Обвалилась часть горы Медведя, на котором располагалось поселение Хыш. Пастухи боятся гнева богов, поэтому теперь это место обходят стороной. Ходят теперь по Данк-Хышу...

– Так все пастухи теперь ходят около Данк-Хыша?

– Да-да! Они сейчас на этих зимних пастбищах.

– Хорошо. А скажи-ка, есть ли среди пастухов проводники по горам? – спросил гость.

– Так вы-ть... Они все проводники... Все пастухи водят свои стада. Кочевой люд! Погружат на коз и лошадей весь свой жалкий скрабишко и, пока жарко тут, внизу, они поверху ходят, а сами живут где попадется. Потом по зиме спускаются с отарами в Данк-Хыш и торгуют с нами. Меняют жир, шкуры, мясо, масло, поделки на все то, что привозят по трактам к нам купцы...

– Мне нужен самый знающий из них, – сказал с нажимом гость.

– Из пастухов?

Гость только кивнул.

– Лучший... – тавернщик задумался. – Тогда вам к Яши-Бану Обрубку! Он всю молодость сначала стада водил, забираясь летом почти на самые верхушки, а потом сокровища старых богов искал. Знает все горы, все пещеры, уступы и кряжи... Каждый камень зовет по имени!

– Где его найти?

– В Данк-Хыше, то бишь в его окрестностях и найдете! Только старый он и больной... В молодости уснул на коне с кожаной хлесткой в руке без перчатки, пока стадо шло в деревню. Пальцы отморозил. Стала чернеть, вот... Пришлось руку рубить! Говорит, по молодости справлялся, а сейчас рука болит, отчего он стонет, плачет. Его сын часто у нас выменивает свой товар на жизнь-траву, которую везут с Сангары. Из нее готовят отвары, чтоб рука не болела, – затем добавил зачем-то, считая, что и эти сведения могут быть важны. – У нас травка эта не растет...

– Меня его рука не интересует.

– Тогда-ть он вам и нужен... – засмутился таверщик. Не нравился ему этот ледяной взгляд гостя.

– Найди мне человека, который проводит нас до Данк-Хыша, а конкретнее до стойбища пастухов, среди которых живет Яши-Бан. Скажи, я хорошо заплачу. Чтобы он был к утру. Понял? Тогда хорошо заплачу и тебе.

– Да, господин...

И таверщик, чувствуя на себе недолгие взгляды и седого мужчины, и седой женщины – взгляды пронзительные, заколебался. Нужен ли он здесь еще? Однако уже совсем скоро на него стали смотреть, как на пустое место, не замечая, и он раскланялся и исчез, успокоившись. Поначалу хозяин таверны принял Филиппа за опасного предводителя разбойников, что поживился на большаке, а теперь пытается с шайкой замести следы от чьего-то гнева, укрываясь в горах, но теперь понял – то загадочный знатный, но никак не бандит. Потому и отпустила его тревога, что его с семьей прирежут в постели.

Ночь спустилась на таверну «Зеленая сосна». На город падал снег. Заснули долгожданным глубоким сном в своих комнатах солры, не зная, что их ждет впереди. Заснул подле ног Филиппа на небольшой лежанке и мальчик Жак, наевшись горячего. Снилось ему, будто он дома, в Нижних Тапилках, где мать потчует его и целует в лоб, а отец ругает ее и приговаривает, мол, нечего мужчину лаской портить.

Филипп и Мариэльд лежали рядом друг с другом. Мариэльд располагалась между стеной и неутомимым ее надсмотрщиком, который, остерегаясь обмана от вероломной графини или того, что она подговорит кого-нибудь для помощи с бегством, держал ее при себе и день, и ночь. Он запрещал говорить с ней, вез ее в седле впереди себя и вглядывался в каждый лик, обращенный к графине. Уж не Гаар ли его настиг? Его рука почти всегда покоилась на перевязи, готовая в любой момент отразить атаку. Он был напряжен до предела, как никогда ранее. Однако внешне он казался все таким же спокойным и расчетливым, разве что более угрюмым, чем обычно.

Мариэльд устало вздохнула. В последние дни ее издевательские речи сменились молчанием. Она только и могла, что беспомощно созерцать, как ее увозят все дальше и дальше в горы, прочь от многолюдных трактов и больших городов. И если в первые дни она сама порой дразнила своего захватчика, который упрямо молчал в ответ на поддевки, то сейчас он, обращаясь уже к ней, тоже все чаще стал слышать тишину.

Чуть позже Филипп укрыл графиню одеялом, заметив, что она уже спит. Либо прикидывается спящей, замедляя стук своего сердца. Тогда, положив меч на край кровати, он уставился в дощатый потолок и вслушался в звуки метели.

Наступило белоснежное зимнее утро. Вокруг Мориуса войском стоял густой бор, и солры, покидая таверну, с восторгом глядели на громадные сосны, которые великанами упирались в ярко-голубое небо. А на самих солров поглядывал из-за ставней народ – к гостям по зиме здесь непривычны. Кто-то из жителей уже выходил из домов, закутанный в шубы, меха, готовый заняться обычным хозяйственным делом. Мориус был городком неторопливым, степенным, ибо леса не располагают к поспешности. Одни только дети были не подвластны этой

степенности; то и дело их, любопытных, и гвардейцы, и матери отгоняли от огромных коней, чтобы кони ненароком их не прибили.

Лука Мальгерб запрыгнул в седло рыжего мерина.

– В Данк-Хыш, господин? – спросил он нарочито бодро, а внутри сжавшись от нежелания.

– Да, Лука. Фураж закуплен?

– На пару недель!

– Еда?

– Лепешки, вода, засоленная свинина. До граговки должно хватить.

– Тогда выдвигаемся!

Держа на руках Мариэльд, будто дитя, Филипп бережно посадил ее впереди себя. Конь пофыркал, отчего вокруг него столбом взметнулась морозная пыль, побил копытом, и граф, графиня, гвардейский отряд, слуги, а также проводник Барт, найденный тавернщиком, покинули Мориус. Все они двинулись не по широкой тропе, которая уводила назад на равнины, а по узкой, туда, куда сворачивает редкий путник или торговец – по направлению к горам, ввысь!

Глава 2. Данк-Хыш.

Спустя неделю после того, как отряд покинул Мориус, леса стали редеть и покрываться проплешинами. Чем выше забирался Филипп со своим отрядом, тем ниже становились сосны, сменяясь кривыми елями. Земля стала горбата, бела, пока не превратилась в унылые горные пустоши, укрытые лишь травой, да и та сейчас пряталась под снегом.

Скуднели запасы пищи. И пока солры находили себе пропитание, охотясь, вампирам приходилось туго. Все чаще Мариэльд облизывала сухие губы, а Филипп постоянно покашливал, чтобы успокоить першение в горле. Еще хуже придется вскорости слугам-поварам: Хрумору и Чукку, – хоть они и сумели поесть в Мориусе, но впереди их ждали голодные дни.

И тем не менее, несмотря на некоторые трудности, их путешествие пока было спокойно.

В один день, когда в небе раздался клекот беркута, распластавшего крылья в потоках воздуха, Филипп вдруг схватил притороченный к седлу лук. Он быстро натянул тетиву – и разящая стрела унеслась ввысь! Чуть погодя беркут уже лежал на снегу. Граф тогда напряженно поглядел на убитую птицу, ожидая, уж не покажется ли кто из нее? Однако беркут так и остался лежать беркутом: мертвым и совершенно неподвижным. Солры тогда общипали его на перья и добавили их к своим вороньим, как трофей. Глядела тогда на хищную птицу и Мариэльд. Что пыталась она высмотреть в убитом создании – прибытие брата или подтверждение безумия Белого Ворона – было непонятно...

А когда на землю стала сыпаться, как снег, любое крылатое создание, будь то гарпия или орел, пролетающий слишком низко, Лука не выдержал и в один из дней спросил сидящего у костра графа:

– Милорд, если удосужитесь, скажите, почему вы убиваете этих существ? Помнится, отец говорил, что вы бережете и демонов, и животину, и коней – и зазря жизни их не обрываете... Чем же вам эти горные птицы не угодили?

– Времена поменялись, Лука.

– Что же это, птицы стали хуже?

– Нет, – ответил тогда Филипп, продолжая созерцать ночное небо, – Но раньше я был уверен, что птица – это птица, конь – это конь, а преданный мне человек так и остается все тем же преданным человеком. А сейчас я уже ни в чем не уверен...

Лука тогда так и не понял странного объяснения своего господина и ушел к своей лежанке озадаченным. Ну а Филипп продолжил глядеть на звездное небо. Оно здесь было ближе, и звезды рассыпались над головой, словно разбросанное пшено.

* * *

Наконец, вечером отряд вместе с проводником выехал на горные равнины, где все лежало как на ладони – открытым и обнаженным. Здесь, как на белой пятнистой шкуре, виднелись прогалины с сухой травой. На них паслись огромные отары овец. Прошлогодние ягнята жались поближе к матерям, бегая только подле них. Шерсть у горных овец была такая густая и плотная, что кутающийся в плащ Жак лишь завистливо высказался в духе: «Мою бы душонку сейчас – да прочь из тельца, в шкурку бы овечью».

Пара пастухов была занята тем, что гнала отару к огням поселения, сильно выше. Качались фонари на шестах, которые держали в руках дети. Лаяли пастушьи псы, блеяли овцы. Отара собиралась в один сплошной поток из шерсти и копыт, который тек к ограждениям. А где-то сбоку вели стадо поменьше: бело-пятнистых коз, сливающихся с местностью.

Гвардейский отряд последовал за стадами, пока не попал в пастушье поселение. Поселение состояло из шатров, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Вокруг них находились загоны для скота. Все здесь было очень скудно, грубо и топорно. Так уж складывается, что кочевники при всех их внушительных стадах всегда остаются нищими, потому что,

кочуя, они лишаются тех благ, что дает людям оседлый образ жизни: высокое ремесленничество, хорошие ткани, сельское хозяйство и изысканные украшения для своих жен.

Поэтому и эти астернотовские пастухи ничем не отличались от других – они были чрезвычайно бедны.

Лука Мальгерб покинул седло. Взяв рыжего мерина под уздцы, он подошел вместе с проводником к выглядывающей из шатра женщине. Много кто уже глядел на них, диковинных чужеземцев, которые решили явиться пожалуй в самое неподходящее для появления место – в горы зимой. Глядела и многочисленная грязная малышня, высовываясь из-за юбок их матерей. Глядели и сами пастухи, чувствуя угрозу.

Ветер стелился и грозно выл. Пастушья жена, кутаясь в шкуры, вышла вперед. Судя по ее возрасту, по ее строгому взору и многочисленным деревянным украшениям в спутанных седых прядях, это была одна из уважаемых. Проводник Барт вежливо приветствовал ее, затем принялся переговариваться с ней, показывая на отряд. Здесь, у подошвы астернотовских гор, речь была совсем иной, нежели на срединном севере. Тут много будто бы клекотали, как орлы, а предложения звучали куда отрывистее, порой и с присвистом. И хотя все друг друга пусть и тяжело, но понимали, однако то и дело приходилось переспрашивать.

– Нам нужны кров и еда! – вмешался Лука Мальгерб, видя непонимание на лицах скотпасов. – И чтобы за конями присмотрели!

– Понимаю, понимаю... – говорила пастушья жена, но глаза у нее были испуганными. – Но здесь в такое время не ходят... Торуффы покинули горы. Граго зверствует. Земля гудит под снегом... Зачем вам наше бедное пастушье поселение, добрые люди? Мы-ть живем тут худо-бедно. Ничего у нас нет, кроме наших коз и овец. Но зачем они вам?..

– Не твое это дело, зачем мы здесь! Никто дебоширить не собирается. Ваше имущество останется при вас!

Пастушья жена испуганно оглядела малое, но хорошо снаряженное войско. При желании гости могли без потерь и сжечь их поселок, и забрать весь тот скромный скарб, что у них имелся. Не единожды к ним заявлялись бандиты, которые уводили их скот в низины и продавали. А потому не поверила женщина ни заверениям проводника Барта, который убеждал ее, что гости хорошо платят, ни заверениям самого гостя.

Однако тут вперед выехал Филипп и сказал твердым, не терпящим возражений голосом:

– Я ищу хорошего проводника в горы. Мне нужны не ваши жалкие пожитки, а сами горы. В Мориусе мне говорили о Яши-Бане. Где он? Он жив?

Скотопасы переглянулись. Пастушья жена кивнула.

– Жив...

– Тогда позови его, женщина! Разбуди, коль спит. Сейчас же я хочу видеть его перед собой. А нас расположите в шатрах. Мы собираемся пробыть здесь достаточно долго.

– Долго? – вздрогнула она. – Что же вам нужно, добрый человек, в нашем бедном краю?

– Тебе уже сказали, что тебя это не касается. Но когда мы отбудем, то каждая семья, приютившая нас и наших лошадей, получит оплату золотом. Золота вам хватит, чтобы продать всех ваших овец и безбедно осесть в том же Мориусе вам, вашим детям и внукам. Или купить еще больше овец и не знать нищеты. Тебе понятно, женщина?

* * *

К полуночи гвардейцы уже отдыхали по шатрам. Они ели из чугунного тяжеленного чана, с радостью вбирая в себя тепло после долгого трудного перехода. Укрывались они теплыми шерстяными одеялами, сидели на таких же шерстяных коврах, были окружены мешками с купленным в Мориусе зерном, сшитыми тоже из шерсти. Костры – и те топились овечьим навозом.

Где-то на краю поселения, несмотря на столь позднее время, пели. Наевшись и укладываясь спать, гвардейцы прислушивались к этому странному пению, будто бы восклицавшему и горестному.

Мариэльд лежала у очага в отдельном большом шатре. От кос графини уже осталось лишь название – и теперь спутанные седые пряди падали на маленькое изможденное лицо, где выделялись голубые глаза. Она, крохотная, хрупкая, словно веточка, была закутана в пестрые шерстяные одеяла, выданные местными женами-ткачихами. Филипп сидел рядом с ней и ворошил палкой кизяк, который при горении пах на удивление приятно. Чуть погодя в их укрытый шкурами шатер вошел сухой старик. Двигаясь согбенно, он прижимал к своей груди обрубок руки, замотанный в тряпки, чтобы как-то потушить боль.

– Вы-ть звали? – пролепетал старик.

– Садись, – и граф указал на шерстяную циновку подле себя.

Поклонившись, Яши-Бан боязливо присел. От него пахло овцами, молоком, мазями и умирающей старостью. Одет он был в истасканную овечью накидку и обернутую вокруг талии юбку из кожи коз. Его единственную руку окольцовывали деревянные браслеты – дерево в здешних местах ценилось, потому что с низин его поднимать было дорого, сложно и трудозатратно. На его плешивой голове вздыбалась войлочная шапка с острой вершиной, символизирующая гору.

– Расскажи, куда ходил, Яши-Бан, где бывал. Я слышал, ты в молодые годы был известным искателем сокровищ?

– Был, добрый человек. Отчего ж не быть? Молодой был... дурной, – и Яши-Бан улыбнулся ртом, где гордо сиял чернотой единственный зуб. – Много где я ходил. За горы Медведя ходил, за Лисиние норы ходил, по Отрогам Черных Туманов ходил, к богам вниз спускался, в их зловонные и черные чертоги...

– Далеко эти чертоги?

– Очень, добрый человек.

– Как же ты туда добирался?

– А я тогда запасался козьим жиром, маслом соленным с бурдюком с водой. А потом еще месяцы ходил, питаюсь чем попало. Молодой был, дурной... Не думал, что в кой-то миг еды может не хватить, да и руки у меня тогда были сильные, могучие. Не то, что сейчас... даже себя порой поднять не могу! – и Яши-Бан застонал, скорчившись будто бы от боли. – Я тогда своими же сильными руками забирался на отвесные скалы, используя веревки. А еще меткий я был – барана мог убить из лука. Ох, хорошие годы были, не тяготил я тогда свою бедную семью еще...

– Выходит, не врут, что хорошо знаешь горы.

– И да, и нет...

– Как так? – спросил граф.

– А горы нельзя знать хорошо, добрый человек!

– Почему?

– Горы, они не любят давать себя узнать. Вот порой пещеру обнаружишь, ходишь к ней, ходишь... – и старик лукаво улыбнулся, тут же позабыв о боли. – А потом приходишь – нет ее! Обвалило гудением! И стена ровная, будто и не было пещеры. А порой идешь там, где не было никогда пещеры – а тут глядит на тебя зев подземного монстра. Так и манит ступить в черноту, которая появилась снова после гудения...

Яши-Бан любил горы. Он был старым и больным, но глаз у него слыл зоркостью, а ум – ясностью. Яши-Бан говорил и говорил о Гарпиевых пустошах, о слепых Пещерах, об Отрогах Черных Туманов, а также о лугах, что порой прячутся за горами. Периодически он хватался за свой обрубок и выл, жалобно скулил, как собака, но когда речь заходила о какой-нибудь сокровенной пещере, то он тут же будто бы забывал, что у него что-то болит.

– Далеко я-ть ходил. Даже к гнездовьям торуффов ходил. Видел их, хозяев гор так близко, как даже ветер не видел! Видел я их лысых птенцов, которые размером с овцу. Горы чувствую! Но и они-ть мне не открываются до конца... – говорил он. – Нам слухи поднимали с Мориуса,

мол, маги с Юга идут. Нет их пока-сь, а если будут? Так если будут, можно будет весь Север спрятать у нас в горах – в жизнь не найдут ни одного! До того пещер много, как трав на пустыре, до того они глубоки и не изведаны. Мне единожды доводилось бродить по местам таким темным, где я шел без света на ощупь с неделю, пока еда не кончилась! Пришлось вернуться.

– Зачем же ты, старый, ходил по таким местам?

– Интересно было. А еще сокровища искал.

– И нашел?

– Нет... – вздохнул горестно старик, и лицо его сморщилось. – Но о них много у нас говорят. Сказки с детства у очага рассказывают бабки и деды. Раньше же здесь не было никаких гор, господин. Пустыри были-ть. И земли были старые, богатые. А потом вдруг как полезло. Земля загудела! Так деды говорят, а им говорили их деды, а им самим – тоже деды... Мы порой находим старые поселения, которые словно насадило на камень, который вырос вверх. Там же обваленный Хыш и был устроен. Жаль, пришлось уйти... Тогда много овец попадало в бездну. Мы-ть тогда имели самые большие стада, брат мой заведывал. Да вот теперь нет ничего!

И старик Яши-Бан жалостливо развел руками.

– Скотина дохнет от болезней и голода. Пастбища пустеют! – продолжил он плаксиво. – А рука-то у меня болит, я б помог сыновьям своим, да калека, считай... Обуза я им, тягость!

Филипп молчал и думал. Яши-Бан умолк и потупил взор, не зная, что ему скажут и что от него хотят. Наконец, граф сказал:

– Я помогу тебе и твоим сыновьям, Яши-Бан.

– Как же, добрый господин?

– Я дам вам больше золота, чем остальным, и вы купите новые стада или спуститесь жить в Мориус, как люди, а не теряясь здесь в горах. Но мне нужны твои знания гор. Ты выглядишь крепким и способным к долгому переходу, так что не пытайся обмануть меня жалостливым взором и причитаниями, как обманываешь всех прочих. И рука у тебя не болит, пусть ты и лишен ее. Лишь зря докучаешь своим сыновьям лишней жалостью. Вижу я, что горы тебе любы, но тебе уже хочется удобств и покоя. И ты получишь все это, если отведешь моих воинов в самые дальние дали, туда, где их не найдет ни один человек, демон... или даже бог.

Филипп ненадолго посмотрел на Мариэльд, а та продолжала разглядывать полог шатра с печалью во взоре.

– А что... Отвести, и все? – спросил Яши-Бан пересохшим ртом.

– Да. Отвести так, чтобы миновать вампиров, которые живут подле Медвежьей горы, как ты и говорил. Если вернешься с моими гвардейцами, то будешь вознагражден сполна.

– А много дадите-ть?

– Дам золотом столько, сколько в тебе весу.

– О-о-о... Я-ть... Когда... кхм... надо пуститься в путь?

– Через день-два, как только отберу гвардейцев и пополню запасы провизии. Но знай, Яши-Бан, коль вздумаешь обмануть и мои люди не вернутся, то всей твоей родне грозит смерть. Я буду ждать тебя здесь.

– Нет, добрый господин, что вы! И мысли не-ть такой! Клянусь своим шатром! – Яши-Бан облизнул сухие губы, размышляя, много ли в нем веса.

Старый пастух в сомненьях покинул шатер, направившись в свой. Ну а Филипп обозрел молчаливую Мариэльд, которая терялась среди шерстяных одеял. Взгляд у нее был жалостным, и он невольно поражался перемене пленницы, тому, как резко исчез ее напор, как подевалась куда-то смешливость в ее взоре. И хотя все это могло быть напускным, граф сердцем чувствовал, что его расчет оказался правильным, что он верно предугадал слабость Мариэльд, о которой ненароком проговорился сам император Кристиан и которую подтверждал тот факт, что их еще не обнаружили. Однако эта неясная победа еще не была у него в руках – и он знал, что

за нее придется заплатить высокую цену. Ну а графиня Лилле Адан все продолжала молчать, а ее взор становился день ото дня все тоскливее...

* * *

Поутру, когда серая мгла еще лежала над лысыми равнинами, где сквозь снег кое-как пробивались травинки, будто ощерившиеся ежи, Филипп покинул шатер. Перед этим он поставил нескольких караульных, чтобы они никого не впускали и не выпускали, а сам отдал Жаку приказ разбудить всех остальных. Чуть погода одетые в стеганые гамбезоны и теплые плащи воины (за исключением караульных) стояли у оградки грязного загона, чернеющего на фоне белоснежных пустошей. Стада уже удалились от деревни и рассыпались по пастбищам. Вдалеке виднелись пастухи, сидящие верхом на укрытых крашеными в красное полотнищами лошадях.

Некоторое время граф Тастемара молчал, только глядел вокруг, наблюдая окружающие его бескрайние белые горы, прорывающие своими вершинами ярко-голубое небо. По небу бежали такие же белые рваные облака. Затем, тяжело вздохнув, будто желая оттянуть предстоящий момент, он обратил свой взор уже на гвардейцев.

Он знал каждого...

Многих из тех, кто родился в Брасо-Дэнто, он помнил еще детьми. В праздники урожая они выбегали к нему из домов, когда он стоял посреди Вороньей площади в своем вечном зеленом котарди. Они радовались одному его присутствию, жались к нему ближе, стараясь коснуться, или, наоборот, глядели на него с благоговением издалека, стесняясь подойти. Каждый, кто желал попасть к нему в гвардию, подвергался им испытанию – как физическому, так и нравственному. Филипп тогда долго слушал биения сердец тех, кто приносил клятву, глядел в глаза уже молодых сильных мужчин, чтобы найти в них отблеск слабости. Он старался приближать к себе только преданнейших мужей, пусть и из небогатых семей. Они ездили на лучших конях, лучше всех питались, но, пожалуй, лучшей наградой для них становилась служба под знаменем того, кто правил Солрагом на протяжении пяти веков. Гвардейцы росли при хозяине Солрага и умирали, считая его живым богом, высящимся над временем и миром.

Поэтому Филипп знал, что все они без исключения пойдут за ним, куда угодно, – стоит ему молвить лишь слово. Но сейчас ему требовалась не просто преданность, нет, ему нужно было неистовое желание умереть за него и его дело...

Поэтому он громко произнес:

– Мне нужно укрыть пленницу! Укрыть в таких далях, куда не дотянется рука ни одного существа. Проводником выступит здешний старый пастух, который доставит отряд и пленницу до места назначения. Путь чрезвычайно труден! Те тяготы, что вы доселе испытывали, не сравнятся с теми, которые предстоят отправившимся. Я туда пойти не могу... Поэтому мне нужны люди, в которых я не буду сомневаться и кто выполнит задачу, даже если ему будет грозить смерть...

Уронив руку на ножны меча, Лука Мальгерб сделал шаг вперед и гулко спросил:

– Сколько вам нужно еще, кроме меня, господин?

– Нет, Лука, – качнул головой Филипп. – Ты останешься, ты мне еще понадобишься здесь. Нужны пятеро!

Склонив голову с рыжими кудрями, капитан вернулся в первую шеренгу. Не стоило сомневаться, что он, как некогда и его отец, готов был положить жизнь на общее дело, но сейчас он нужен был прежде всего в качестве командира. Филипп ждал заминки среди своих гвардейцев – однако те, даже не переглядываясь, тут же выступили вперед, причем выступили все разом. На их уставших лицах сияла чистая преданность.

Цепким взором граф оглядел их.

– Это опасное дело, – предупредил он. – Ценой может стать ваша жизнь! Кто не побоится этого пути, полного лишений? Кто не побоится самой смерти?!

И снова все сделали еще шаг вперед, не задумываясь. Никто не остался стоять. Никто не усомнился! Филипп почувствовал, как в нем поднимается гордость за своих воинов, как перехватывает дыхание от этого чувства единения. Однако гордость тут же уступила место печали. Чуть погодя он отобрал пятерых, чьи сердца бились ровнее всего – им предстоят опасности.

– Утог, Даррет, Тортонс, Уильям, Братос – пойдете вы.

– Рады служить, господин!

Филипп кивнул. Он снова обозрел решительные лица, обращаясь к той мысли, что эта война унесет множество жизней. Прибыл ли уже посланец в Брасо-Дэнто? Успеет ли его военачальник сконцентрировать войска у северных границ со Стоохсом? Сможет ли укрыться Йева, чтобы остаться в живых, когда грянет шторм? Вся надежда была на поспешность посланцев. И снова Филипп вверял свою жизнь в человеческие руки... Странное это дело для всех прочих бессмертных вампиров и обыкновенное – для рода Тастемара. Еще его прадед, Куррон, выкалывал к людям удивительную теплоту. У людей имелось ценнейшее свойство, которого лишены многие вампиры – сплоченность и взаимовыручка. Куррон понимал, что за него готовы погибнуть, оттого и ценил эти качества, как благородный воин и умелый управитель. Ценил это и Филипп.

Чуть погодя он рассказал пятерым солтам, что их ждет, рассказал о тяготах пути, а также о диких вампирах, живущих за снежными горами.

Отдав указания, граф поспешно вернулся в шатер. Мариэльд все так же лежала в постели, укрытая нагромождением шерстяных одеял, и одно ее маленькое лицо, обрамленное спутанными седыми волосами, было обращено к вошедшему. Она снова промолчала, как молчала все последние дни, понимая, что хочет сделать Филипп, но не в силах это изменить. Он убил всех ее слуг, а те, кто сбежал, будут уверены, что на них напал барон Бофровский. Подле нее никого не осталось... У нее не было возможности подкупить солтров, ибо они были верны графу всем сердцем. Филипп знал, что теперь она может рассчитывать только на счастливый случай, а также на помощь Гаара.

* * *

Над равнинами возшла круглая большая луна. Тихо блеяли в загонах овцы. Над ними бесшумно пролетела горная сова с серо-белым оперением; она будет летать так до самого восхода солнца. Иногда ночь разрезал резкий крик проснувшегося младенца, его успокаивали, и он тут же снова засыпал.

Лишь в одном шатре не могли уснуть – там лежал упавший давеча с обрыва пастух. Порой отголоски его лихорадочных стонов долетали до чуткого слуха графа, и тот непрерывно гладил свою сухую глотку. Наконец, понимая, что впереди еще месяцы голода, он поднялся. Оставив спящую Мариэльд под присмотром караула, он направился туда, откуда доносились рыдания.

На краю поселения стоял обращенный к востоку и двум острым горам шатер. Отодвинув тяжелые покрывала и войдя внутрь, Филипп увидел лежащего на циновках пастуха. Пастух корчился, стонал, плевался кровью, пока ему со лба вытирала пот сидящая рядом жена. Измученный, он молил в бреду о смерти. И смерть явилась... Филипп замер, почуяв, что все здесь наполнено сладким запахом крови, колышущимся туда-сюда от движения в нем людей. Он глубоко вдохнул его, вкушая. В него вперились перепуганным взором обитатели шатра: несколько сыновей пастуха, а также немощные старики. Одна только жена взглянула на гостя лишь мельком – сил у нее ни встречать его, ни рыдать, ни даже жаловаться уже не было. Ее дети вынуждены были перенять пастушьи дела отца, а лишение семьи рабочих рук ставило под угрозу все ее благополучие.

– Как давно он страдает? – спросил гость, подойдя ближе.

– С того снегопада... – ответила сдавленно женщина, не отрывая изможденного взора от своего мужа.

Филипп без разрешения откинул войлочные одеяла, укрывающие больного, разглядел его изломанные ноги. Кости ниже колена торчали наружу острыми обломками, потемневшими от засохшей крови. Сами ноги отекали, безобразно распухли – судя по всему, пастух в падении пытался приземлиться на стопы. Получи бессмертный вампир такие травмы, и ему было бы туго – пришлось бы через боль вставить кость обратно, зафиксировать и лежать с месяц, чтобы все срослось заново. А тут же несчастному всяко уготована мучительная участь: или смерть, или жизнь обременяющегося калеки.

– Такие раны не излечиваются, – медленно произнес гость.

– Знаю, – шепнула жена скотопаса. – Мы-ть ходили к шаману. Он молил богам гор. Молил даже Ямесу... Он пел всю прошлую ночь дондормы...

– Даже боги вам не помогут.

Женщина обернулась, и глаза ее яростно сверкнули.

– Зачем вы такое говорите? Зачем!? Думаете мы-ть не знаем, что Ашир умирает? Или вам нравится видеть чужое горе!?

На нее испуганно шикнула полуслепая старуха, сидящая рядом и косящаяся одним зрячим глазом на поднявшегося из равнин незнакомца. Незнакомцев горные люди не любили, боялись – те всегда несли им угрозу разорения. Однако горе пастушьей жены было так велико, что на эти одергивания она не обратила никакого внимания.

А Филипп тихо продолжил, подойдя еще ближе, ибо голод снова напомнил ему о себе, отдал першением в горле и ломотой в клыках.

– Я могу помочь.

– Как? – жена подняла опухшие от слез глаза.

– Освобожу его от боли.

– Освободите? – не поняла она.

– Да.

Потом женщина вздрогнула. Она увидела, как пронзителен взгляд гостя, как подрагивают крылья его длинного ястребиного носа, делая его похожим на хищника, пришедшего на запах крови. Ей порой доводилось слышать о тех, кто является за умершими. О тех, кто по ночам пускает кровь овцам. Шаманы называли их детьми ночи. Они жили за горой Медведя и иногда приходили оттуда, мало походившие на людей, дикие и не умеющие даже говорить. Но перед ней стоял мужчина – явно знатный, дорого одетый, владеющий речью. И выглядел он обычным человеческим мужчиной, разве что цветом лица был бледен, не как горные люди, которым суровые ветра делают кожу сухой и багровой. Но она уже поняла, что он такой же... Такой же, как те, кого они боялись...

Тут вмешался один из сыновей, который только-только стал входить в пору зрелости, и шапка его на голове была еще не остроконечной, а округлой. Он был не так смышлен, как его мать.

– Боги все решают! – заявил уверенно он. – Если Ямес и горные духи не могут помочь нашему отцу, то вы-ть чем поможете? Чем?!

– Я принесу ему смерть, – спокойно отозвался гость.

В шатре тут же закричали; поднялся переполох. С циновок повскакивали все сыновья скотопаса. Испуганно запричитали старики, кутаясь в шерстяные накидки, повжимались в тюки, желая пожить подольше. Всех взял страх, ибо теперь все до единого, наконец, поняли, что перед ними стоит никак не человек – а демон! Однако гость лишь невозмутимо склонил голову, продолжая глядеть то на жену пастуха, то на самого измученного Ашира, который не слышал их.

– Смерть – это не всегда плохой исход, – изрек он, и его голос заставил всех умолкнуть и в страхе вслушаться. – Вы все страдаете... Ваш Ашир, даже если выживет, более не будет чувствовать себя мужчиной и главой семьи. Я уверен, он смиренно нес тяготы на своих пле-

чах. Однако сейчас он будет страдать, видя, что вы вынуждены быть подле него сиделками. Он будет втайне желать смерти и проклинать свою жизнь. Старики будут жалеть, но втайне проклинать своего сына за то, что он терзает своей жизнью молодых. Вы будете ухаживать за своим мужем, но втайне проклинать его, что он приковал вас к нему. Дети будут любить, но также втайне проклинать своего отца, потому что он забирает вас от них. Порой смерть приносит облегчение... Но сейчас ваш Ашир измучен, а его дух заперт в этом брэнном мертвом теле. Мне не нужен его дух – он высвободится тут же и отправится, куда ему положено согласно вашим верованиям.

Филипп оглядел их, насмерть перепуганных, дрожащих и глядящих на него, как на чудовище, явившееся за ними. Он холодно добавил:

– До утра принесите мне его запертое больное тело.

Затем он покинул душный шатер, в которой колыхалось марево из запахов крови, горя и травных настоев.

Жена пастуха так и осталась сидеть неподвижно, то бросая пустые, лишённые какой-либо жизненной искры, взгляды на выход из шатра, где мгновение назад стоял высокий и сухой седовласый мужчина, то на своего любимого Ашира. А сыновья ее меж тем продолжили кричать, схватились за палки, за ножи и заспорили между собой. Кто-то вывалился из шатра, побежав за шаманом, а кто-то предлагал сразу пойти к этому гостю, оказавшемуся чудовищем, и лишить его жизни!

Филипп слышал их голоса, голоса, однако боязливые, ибо все понимали, что гвардейцев слишком много. И гость это понимал. Он все-таки послал Жака предупредить солров быть настороже, а также наказал мальчику заночевать в другом шатре – вместе с Лукой Мальгербом. Сделано это было не из страха, а скорее для того, чтобы Жак не увидел того, что последует после исполнения пастухами воли графа.

* * *

Она все-таки пришла к нему, почти под самое утро, серое и безжизненное. Филипп знал, что она явится – из страха за свою семью. У нее были удивительно-голубые глаза, но кожа из-за сильного ветра, как и у всех горных обитателей, пылала красным. Щеки у нее были крупные, как яблоки. Даже блестели также.

Жена пастуха тихо вошла, укутанная в шерстяную козью накидку. За ней следовали сыновья. Они несли стонущее тело, бережно замотанное в одеяла. Женщине, имя которой Филипп

так и не спросил, было отвратительно здесь находиться. Боялась она. Боялись ее сыновья. Боялись они за душу Ашира, боялись за свои души, потому что отдавали тело своего отца во власть демону, предъявившему свои права на него. Она пыталась что-то сказать принесшему столько бед гостю, будто горячее проклятье готово было сорваться с ее сухих губ, – но не смогла. Помолчала, постояла, обреченно склонив голову с косами, волос в которых напоминал по густоте и жесткости конский.

А потом пастушья жена резко развернулась и вышла прочь, обронив последний полный горести взгляд на своего умирающего мужа. За ней бросились и ее сыновья. Филипп слышал, как с их уст сорвались жаркие молитвы то горным богам, то Ямесу. Теперь все прочие пастухи также будут обходить этот шатер стороной, будут молиться при каждом виде гостя, будут бояться за своих детей и тихо шептаться по ночам, хватит ли им сил напасть на чужеземных равнинных воинов, охраняющих демона, и убить самого демона?

Нет, сил не хватит – это знали все: и Филипп, и скотопасы.

Мариэльд доселе лежала в одеялах, скрючившись, и безучастно разглядывала узоры на полотнище шатра, словно сейчас это волновало ее больше всего в жизни. Узоры, выведенные руками ткачих, вились солнцем, курчавыми облаками, птицами, бесконечными стадами, уходящими за горизонт – и сливались в единый клубок жизни. Почувствовав запах крови, она отвлеклась от созерцания и безуспешно попыталась приподняться.

Филипп отнес умирающего к ее лежанке. Там он сел, вытянул ноги, подтащил пастуха к себе и вцепился ему в горло. Находясь в бреду, Ашир лишь едва вздрогнул. Филипп выпил его не всего. Дождался лишь, пока тело не станет целиком податливым и мягким, умерев. Тогда он подтянул Мариэльд к себе, помог ей склониться, и старая женщина, облизнув сухие тонкие губы, тоже прокусила шею тонкими клыками. Так они вдвоем почти и иссушили тело, чтобы остатки потом достались двум слугам.

Чуть погода она подняла свои голубые глаза и печально усмехнулась.

– Последнее послабление перед карой, Филипп?

– Да, – только и ответил он.

– Это случится следующей ночью, когда тьма скроет отход твоих солров и их путь?

– Да...

Мариэльд попробовала откинуться назад, но у нее не получилось. Тогда граф пододвинул ее так, как ей было удобно – он отдавал последнюю дань уважения перед тем, что произойдет дальше. Война всегда жестока, и Филипп был жесток, не давая слабину, однако он подчинялся правилам уважения врага.

– Гиффард всегда восхищался умением Тастемара идти к цели, терпя любые лишения. Однако, хорошо узнав вас, он также заметил в один из дней, когда мы гуляли вместе подле моря, что это умение и погубит вас... – заметила, наконец, графиня.

– А знал ли он хорошо тебя? – жестко прервал Филипп, поднялся с лежанки.

– Ты и тут вдруг решил обвинить меня в измене, но уже в отношении к Гиффарду? – графиня печально улыбнулась. – Но я действительно любила его! Пока мы невольно проживаем тысячи жизней в разных телах, мнемоники впитывают эту тысячу жизней через кровь – и они становятся почти равными нам если не по возможностям, так по мировоззрению. В последние годы Гиффард был слишком обременен жизнью, но передавать дар кому попало он не желал. Ему хотелось, чтобы его преемник был достойным и знал о чести не понаслышке. Поэтому, будь у меня такой претендент, он бы без раздумий передал кровь ему. Но нет... На тот момент такого претендента не было. Как и твой Леонард не оправдал его ожиданий... Поэтому деревенский мальчик, очарованный кельпи, со своим излишним благородством и чистой душой показался ему благим знамением.

– И вновь обман! – усмехнулся Филипп. – На этот раз напускной чистосердечностью. Будто это не вы подослали к Уильяму южного архимага, чтобы тот передал мешок шинозы.

– Мы.

– Выходит, вы знали, что передача мешка шинозы запустит цепочку событий, которая приведет к передаче дара Гиффардом. Ты пытаешься внушить мне, что Гиффард сделал это добровольно? Да вы безжалостно столкнули его со скалы, когда послали ему письмо-приглашение в Ноэль, зная, что он отправится через Офурт! И после этого ты говоришь про любовь? Тоже самое и с Зострой Ра'Шасом, который странствовал по миру, выполняя ваши странные просьбы и таким образом запуская другие цепочки событий.

– Значит ли это, что я вижу будущее?

– Без сомнения.

– Почему тогда я не предугадала твое нападение? – вскинула бровь графиня.

– Думаю, тут дело в том, что мы неподвластны магии. Либо твое видение будущего слишком обрывистое.

Мариэльд поджала губы, попыталась привычно улыбнуться, но улыбка получилась то ли раздраженно-усталой, то ли неудачливо-насмешливой.

В шатре воцарилась тягучая тишина. Мариэльд заметила, как граф потянулся к ножнам с кинжалом. Увидев это, она осознала, что с ней не собираются вести бессодержательные беседы, потому что понимают – правда останется похороненной под черной ложью. Ей не доверяли, чувствуя, что она способна запутать любого, наставив на ложный путь. Тогда графиня спешно продолжила, будто желая успеть сказать напоследок что-то, что ее тревожило:

– Знаешь, Филипп... Всеми живущему должен быть свой срок. В мире, где есть смерть, не может быть счастья от вечной жизни, – шепнула она. – Мир одряхлел! Бессмертные в нем стары; многие живы лишь внешне, а в душе они – уже мертвецы. Предала ли я Летэ, когда попрапа его доверие? Нет, ибо Летэ уже мертв! Он потерян во времени и думает, что мир вокруг него такой же, каким был полторы тысячи лет назад. Он уже не изменится, лишь будет действовать привычными ему порядками.

– И давно Летэ предан? – спросил Филипп.

– Давно ли Мариэльд – не Мариэльд?

– Да.

– Хочу тебя огорчить, но я всегда была той самой Мариэльд, которую знал совет, Мариэльд, что спасла совет от Теух, пожертвовав семьей. Это звучит странно? Но это правда. Это тело старой шиверу, потерявшей своих детей, стало принадлежать мне еще в те времена, две тысячи лет назад, когда оно лежало на развалинах Карнкапа и звалось Хеоллеей. Эта несчастная, но хитрая шиверка молила о помощи... И я пообещала помочь ей...

Она горестно умолкла, вспоминая былое. Ее голубые глаза наблюдали за звездами сквозь приоткрытый купол шатра. Ветер доносил запахи овец, гор и молока.

– Ну и зачем это все?

– Потому что мир умирает и вот-вот умрет. Тогда нами был сделан неправильный выбор – мы выбрали собственное бессмертие. Мы так боялись уступить этот мир нашим детищам! Скольких мы убили, тех, кто нами же был создан... Все они бежали в горы, болота, моря и под небеса; они выли, визжали, проклинали, молили голосами и человеческими, и демоническими; пытались выступить против нас; они сходили с ума, зверели. Мы думали, что власть, богатство и людское поклонение утолят наше бытие, а также смоют с наших рук кровь. Однако это оказалось не так... Чтобы дать шанс этому миру, нужно отказаться от бессмертия, которое отягчает мир и губит его. Да, Филипп, я говорю и о клане Сир'ес. Не гляди так, будто твое упрямство сможет предотвратить это. А теперь...

Она подняла взор.

– А теперь, враг мой, делай, что должен! – закончила она гордым голосом, и в глазах у нее будто бы зажглась и погасла искра старых времен. – Но знай, что ты уже проиграл! Все, что мы задумали, исполнится, даже если я погибну в горной тверди, когда мой дар откажется

жить. Пусть будет так! Значит, это угодно самой судьбе! – и она зашипела, как змея. – Но эта же судьба и у тебя заберет твоих детей. Ты похоронишь Йеву, Юлиана и будешь рыдать над его телом, чтобы потом отказаться и от собственной жизни – и ты не сможешь это предотвратить! Вот тебе мое предсказание будущего, которое я увидела!

Филипп зло взмахнул кинжалом, на лезвие которого падали отблески пламени очага. Мариэльд болезненно захрипела с перерезанным горлом, истекая кровью. В конце концов, глаза ее потухли, а взор застыл на убийце. Тот еще некоторое время наблюдал мертвую женщину. Закончившаяся ее жизнь – начало большой войны. Затем он продолжил работать кинжалом, делая так, чтобы убитая не смогла ни позвать, ни услышать, ни увидеть ничего вокруг.

Чуть погодя явились одетые в местные одежды гвардейцы вместе с боязливым Яши-Баном. Костюмы из козьей шерсти должны будут согреть их даже в морозные ночи, коль придется им спать посреди голых скал или на дне воющих ущелий, чтобы спрятаться от гарпий. Приняв из рук своего господина мертвое тело, замотанное в одеяла, воины погрузили его на местную кобылу, как выюк. Поклонившись, они: Утог, Даррет, Тортонс, Уильям, Братос, – пустились в тяжелый путь к острым хребтам.

Луна еще некоторое время освещала их, выхватывая их рослые фигуры, на фоне который движущийся рядом Яши-Бан казался крохотным согбенным старичком. Наконец, все они исчезли за двузубчатым холмом. Филипп еще некоторое время прислушивался, слыша и далекие шаги по мягкому снегу, и тревожно бьющиеся сердца, и дыхание лошадей вместе с вычными холощеными козами.

Наконец, все затихло – и граф остался наедине с ночью.

* * *

Ближе к середине зимы гонцы достигли Брасо-Дэнта и Офуртгоса. Таким образом, возложенная на них миссия была выполнена. Загоняя коней до смерти, они успели доставить все послания вовремя, даже несмотря на то, что их укрытый снегами путь был долг и полон лишений.

В Офуртгосе была предупреждена графиня Йева фон де Тастемара. Безлунной ночью она ступила под сень раскидистых елей, где и пропала, чтобы укрыться в тайном убежище вместе со своим сыном Ройсом. Она понимала – ее отец, рискуя жизнью, ступил на путь великой войны, и теперь ей необходимо затаиться, чтобы ее не обнаружил вездесущий велисиал для использования в качестве заложницы. В ближайшее время она будет жить также, как некогда жили ее предшественники, – посреди лесов, полагаясь исключительно на своих вурдалаков.

Получив в замке послания, казначей и управитель поначалу не разобрались в причинах столь странных требований. Слишком привыкли они к миру. Зачем делать ремесленным гильдиям такие большие заказы на оружие, доспехи? Какой смысл в свозе из ближайших поселений зерна в городские амбары? Почему нужно укреплять внешние серокаменные стены и подготавливать песок, масло и камни?

Но когда свое послание прочел и военачальник, то все сошлось. Война. Война! Да не с кем-нибудь, а с самой Глеофской империей! И пока на помощников возложили обязанность подготовки к вероятной осаде Брасо-Дэнта, военачальнику полагалось собрать все войско подле северных границ – у Аммовской переправы, где при правильной обороне можно стоять много месяцев даже против превосходящего силой и количеством противника. Встретить возвращающегося из Стоохса после спада снегов императора Кристиана предполагалось именно там, преградив ему дальнейший путь и обрезав линии подвоза снабжения из Глеофа.

Итак, Солраг готовился к одной из самых страшных войн за всю свою историю.

И хотя обычно эти войны проводились с помощью офуртских графов да филонеллонского ярла, но Йева почти ничем не могла помочь. Перед отбытием в леса она, конечно же, отослала кого могла к отцу, но то была капля в горной реке. Что же касается грозного ярла Бардена Тихого, то его не попросили о помощи намеренно. Ведь если прочие старейшины узнают, где

находится разыскиваемая всеми беглянка, то об этом тотчас проведает и сам Гаар... Поэтому Филипп тянул время, как мог – и чтобы его земли смогли подготовиться к обороне, и чтобы успеть спрятать пленницу от глаз всемогущего демона. Спрятать в горах. Там, где по словам насмешливого Яши-Бана Обрубка можно укрыть весь Север и не найти ни одной живой души.

* * *

Зима была уже на исходе. Все это время Филипп вместе с гвардейцами прожил в пастушьем поселении, которое переезжало с места на место уже трижды. Однако со слов скотопасов, Яши-Бан был настолько хорошо сведущ в окрестностях, что без труда обнаружит их новую стоянку – и благодаря оставленным на прошлом месте знакам, и благодаря тому, что пригодных пастбищ по пальцам пересчитать.

За два месяца питания бараньим мясом, салом, а также питья чая с молоком и солью воины затосковали по своей родной еде. Не нравился им рацион пастухов, хотя некоторые на нем и стали стремительно наедать бока. Чтобы не растерять дисциплину, графу пришлось нагружать своих людей. С утра они помогали выгонять стада до пастбищ. Потом занимались на свежем воздухе фехтованием. Коней выгуливали, но еды тем постоянно не хватало, потому что не могли они вытягивать из-под снега травинки, как это искусно делала местная животина. Приходилось снаряжать фуражиров в Мориус. Впрочем, если исключить факт пропитания, лошадям здесь была свобода. Солровская порода – могучая, крепкая, высокая. Шерсть у них более густая, чем у южных скакунов, поэтому в горах им чувствовалось весьма удобно в толстых простеганных пополах.

Неудобно было разве что местным пастухам. После того, как поутру обнаружилось иссушенное тело Ашира, среди них поднялся ужас. Филипп видел эти полные страха глаза и слышал шепчущие мольбы о спасении души. Вокруг его шатра под нелепыми предложениями, будто не касающимися гостя, поставили разноцветные пугала для отваживания злых духов. Когда злой дух никуда не делся, в ход пошли напевания и танцы с бубном до полуночи – тоже будто по случаю празднеств Небесных богов. Когда и это не помогло, начались жертвоприношения ягнят-первогодок на плоских священных камнях, обращенных к востоку. А еще позже гвардейцы пожаловались, что в общие чаны, из которых они ели вместе с пастухами (Филипп специально озаботился этим, чтобы его людей не отравили), стали добавлять слишком много дикого чеснока.

Но граф уже знал пределы людской храбрости, а потому однажды сам зашел к шаману, который сидел над благовониями, накрыв голову шерстяным одеялом. Он вырвал его за шиворот из жаркого молитвенного забытья, затем грозно объяснил, что будет, если хотя бы один из его гвардейцев пострадает. На следующее утро исчезли цветастые пугала, умолкли бубны, еда стала нормального вкуса. И, кажется, скотопасы смирились со своей скорбной участью терпеть присутствие демона – демона спокойного и уверенного, так не похожего на тех, что являлись из-за Медвежьей горы.

* * *

О чем поет горный ветер? Налетая на шатры, нещадно задувая в них, отчего колышутся влево-вправо и взад-вперед даже тяжеленные покрывала, которыми пастухи завешивают входы, кажется, что он всего-навсего зло свирепствует. Буйствует. Рычит, как чудовищный невидимый зверь. Но неожиданно он опадает, утихает; голос у него становится тоньше, размереннее. И вот тут он начинает протяжно петь: о великих горных птицах, о затаенных сокровищах и нерассказанных небылицах, о странных путниках, спускающихся в пещеры с бездыханным замотанным телом. А потом вдруг, выскользнув из шатров, ветер уносится куда-то вдаль. Может, он продолжает петь уже там, сказав здесь все, что полагается?

Сидя на шерстяной циновке, Филипп вслушивался, напряженно замерев. Он пытался понять, какую весть принес ему ветер. Прямо над открытым куполом шатра зависла бледная луна, будто любопытно заглядывая внутрь. Филипп склонил голову набок, продолжал нето-

ропливо различать оттенки налетевшего пения. Тихое бление овец. Собака рычит сквозь сон, свернувшись клубком. Сова хлопает крыльями, скользя в потоках воздуха. В соседних шатрах ворочаются под одеялами пастухи. Отдаленный снежный хруст у скалы... Пятеро человек идут по еще глубокому снегу...

Караульный на краю стойбища на кого-то прикрикнул, затем голос его сделался приветливым – это вернулись отправленные с Яши-Баном пятеро воинов. Филипп продолжал сидеть, скрутив ноги, насколько позволяли теплые штаны. Он давно различил эти приближающиеся шаги, отделив их от безудержного пения ветра. К нему внутрь палатки, дыша паром на морозе, вошли Утог, Даррет, Тортонс, Уильям, Братос – пятеро. За два долгих месяца путешествий по крутым горам их лица уподобились лицам местного населения: покраснели и обветрились. Завешанные мехами, отчего стали похожи на огромных медведей, они послушно остановились у стопки шерстяных одеял и тут же склонили головы.

С ними не было ни Яши-Бана, ни пленницы.

Уединенный шатер на краю поселения наполнился тишиной. Филипп глядел на прибывших. Внутри стало студено от залетевшего вместе с ними ветра, но вошедшие, наоборот, резко вспотели с непривычки к теплу. Наконец, закашлявшись, Утог сообщил:

– Мы все сделали.

– Спрятали надежно? – спросил осторожно граф.

– Надежнее некуда... Он отвел нас туда, где не ступала нога не только человека, но и демона. Там, где три горы...

– Не надо подробностей! – обрубил Филипп. – Вам что было приказано?!

– Извините...

Пятеро гвардейцев, вспоминая приказ, преданно посмотрели на своего господина. Из заплечного мешка Утог бережно достал свернутый замотанный в кожу пергамент и передал его. Пергамент приняли столь же бережно – будто величайшее сокровище.

– Всё там?

– Да, – отозвался воин. – Мы со стариком обозначили здесь путь. Без нее никак не найти! Яши-Бан клялся.

– С ним проблем не возникло?

– Нет! Я лично ему глотку перерезал.

– Местные не обнаружат?

– Вряд ли. Снег не шел. Мы оставили его труп у утеса, где свили гнездо гарпии. Когда уходили, они уже кружили над ним...

Пятеро замерли в напряжении. Все они были молодыми, сильными, рослыми и безмерно преданными. За два долгих месяца восхождения по крутым воющим горам они поняли, что имел ввиду их лорд, подразумевая, что поход закончится смертью. Все они понимали, что о месте пребывания графини никто не должен знать, а единственной подсказкой, где ее искать, должна стать карта, которую граф тут же спрятал под плащ. Гвардейцы переглянулись, опустили свои укрытые капюшонами головы, вперились красными от мороза лицами в пол.

У них был выбор – и они сами его сделали.

Тортонс, самый молодой из всех, все-таки не выдержал, вспомнив свою старенькую мать, которая осталась в Брасо-Дэнто, и всхлипнул. Затем поднял голову и увидел направленный на него печальный взор Филиппа. Филипп ценил людскую преданность и за долгие годы жизни научился видеть в ней нечто более дорогое, чем все сокровища мира вместе взятые.

– Спасибо, – вздохнул граф, не находя слов.

Утог шепнул, продолжая рассматривать свою меховую обувь:

– Если так надобно, то... – и умолк.

– Коль наша жертва даст вклад в ваше дело... это честь для нас, – закончил тихо второй. Он тоже будто боялся громко говорить.

– Вы нам, что отец! – пылко высказался третий, Уильям.

Филиппу оставалось лишь горестно кивнуть. Гвардейцы скинули меховые шубы, затем верхние рубахи, оставшись в нижних льняных. Тортонс уж было хотел попросить передать его напутствие старенькой матушке, но запнулся, не нашел в себе сил. Наблюдая, как граф достал из кожаных ножен кинжал, он только покорно опустил голову, всхлипнул – что его проблемы в сравнении с графскими? Филипп отечески похлопал его по плечу, затем ласково обнял, как верного товарища... Чуть погода ветер вновь залетел внутрь шатра, и песня его была уже заунывной, тоскливой – по загубленным молодым жизням...

* * *

Поутру раздетых до рубах охладевших мертвецов вынесли наружу, чтобы погрузить на выучных лошадей. Гвардейцы выстроились вереницей, идя рядом, склонив головы от яростного налетевшего ветра. Похоронная процессия следовала ввысь по извилистой крутой тропе – к виднеющейся из шатров высокой плоской скале, которая веками служила местом погребения. То было небесное погребение. Умерших отдавали на съедение тем, кто имел власть над небом: гарпиям, торуффам, – чтобы таким образом почтить местных богов и задобрить их. Отчасти столь странные традиции объяснялись тем, что копать здесь могилы было негде – под ногами твердь.

Лука Мальгерб шел среди прочих, положив руку на холку кобылы, через которую был перекинут гвардеец Тортонс. Глаза Тортонса были умиротворенно закрыты, а голова его из-за хода лошади иногда раскачивалась влево-вправо по деревянной боковине седла. Лука был хмур. Изредка он глядел вперед и вверх, где уже почти поднялся на плоскую вершину идущий в начале похоронной процессии граф: тощий, согбенный, обвитый плащом, который терзал налетевший ледяной порыв. Седые волосы графа облепили его старое сухое лицо, сделав его еще старше, суше, а ястребиный нос – длиннее.

Капитан сжал губы, задумался. Затем, пользуясь тем, что его никто не видит, он рукой неожиданно скользнул к шее Тортонса, отодвинул край рубахи. Укуса не было... Лука долгое время безучастно вглядывался, пока вдруг не выругал себя мысленно, не сплюнул под ноги, устыдившись своих позорных мыслей – и поправил на мертвеце рубаху.

Между тем, все поднялись на скалу. Отсюда открывался вид на деревню с шерстяными шатрами, из которых вырывался дым, тут же уносимый в сторону ветром. Пастбища лежали далеко внизу будто в белом блюде – окруженные высокими горами, как черной каймой. Отвлек Луку от разглядывания пронзительный то ли треск, то ли скрежет. Он поднял глаза ввысь, увидел, что на еще более возвышающейся скале, напоминающей прорывающиеся пальцы, уже ждет пиршества стая из двенадцати гарпий. Их тонкие хвосты хлестали по камню, по своим же лапам, пока клювы противно щелкали. Иногда одна из них подсаживалась поближе, из жадности. Тогда воздух наполнялся прерывистым кожаным хлопаньем крыльев, однако тут же все умолкало – бестия не рисковала опускаться слишком низко. В руках у некоторых сопровождавших пастухов и воинов были луки.

Гарпии были не глупы... но до чего же омерзительны!

– Да им-то наших отдавать? – зло выпалил один гвардеец. – Твари прикормленные. Ждут. Ждут!

– Ишь, небесные божества... страшные, как кошмар, – поддакнул второй.

– Вот и карает эти земли Ямес за безбожие! – сказал третий.

– Делать нечего. Яму тут не выкопаешь, – грубо молвил Лука.

– Нам-то нечего, – ответил первый. – А этим скотопасам? А потом эти дубоумы жалуются, что у них овец из стадов таскают. Детей таскают, сжирая потом в своих гнездах или скармливая маленьким уродцам. Вот потому и таскают, что прикормили!

– Их проблемы, – только и сказал Лука, не желая ставить под сомнение решение графа.

А выбора действительно не было. Не могли они взять с собой тела в низину, где бы похоронили, как полагается, выкопав могилу. Поэтому граф и отдал приказ покориться местным правилам, да к тому же заставил отпеть мертвецов по всем обычаям, прихватив с собой шамана – будто хотел выказать последние почести, пусть и чужеземные.

Северный ветер кружил вокруг погребальной скалы, подвывал, напевал что-то свое, горестное. Пока шаман с войлочной остроконечной шапкой корчился около пятерых мертвецов, разрезая на них рубахи до живота, жарко читая молитвы, все вокруг на это глядели. Глядел на пятерых мертвецов и Филипп. Им было приказано упокоить бездыханное тело графини в самой отдаленной, самой глубокой пещере, одной из сотен тысяч. Там, где даже очнувшись от смерти, она не сможет выбраться. Заточенная в скальной тверди, не могущая дозваться ни до одной души, не вселиться ни в одно тело, не способная никого подкупить, ибо камни – неподкупны... Мариэльд должна стать заложницей гор, пока он не обменяет карту с ее месторасположением на Уильяма.

Был ли у него иной выход? Увы, нет. Если бы Филипп сразу привез пленницу в Йефасский замок, чтобы получить ее воспоминания через Гейонеш, а затем совершить суд, то ему могли не позволить этого сделать. Гаар быстро обо всем прознает – в этом сомнения не оставалось. Стоило такому могучему созданию, как велисиал, добраться до пленницы, как он тут же свершит свою страшную месть. Даже спрячь ее Филипп где-нибудь в другом месте, то что стоит демону залезть в одного из сопровождавших графа, чтобы выведать место заточения из воспоминаний?

Но сейчас велисиал не сможет ничего. Сопровождавшие мертвы... Темница скрыта... Только карта... Только она откроет путь к его сестре.

Отпевание закончилось, и шаман уже отошел на почтительное расстояние, оставив лежать у обрыва пять тел. Над ними захлопали кожистые крылья – гарпии жадно слетелись вниз. Изогнувшие их силуэты приземлились над ледяными телами, протянулись скрюченные когти. Тощие гарпии облепили мертвецов, и морозный воздух наполнился звуком разрываемых жил и трещащих костей.

Гвардейцы глядели на это с нескрываемым отвращением.

Вдруг одна из гарпий подняла тощую шею, выгнула ее дугой вперед, и из нее донесся довольный гортанный смех, чем-то напоминающий смех разгульных пьяных девок в тавернах. Только этот был явно нечеловеческим, неестественным – пугающим. Все как один гвардейцы вздрогнули с не привычки, в то время, как пастухи лишь покорно склонились.

– Твари... Твари. Еще и смеются! – разозлился один воин.

– Почему они хохочут? – спросил второй у одного скотопаса.

– Радуются тому, что их-ть умилировали зимой, – ответили ему спокойно местные.

– Почему?

– Летом бы им не дали принять подношение птицы рух. Летом мы-ть приносим подаяния им, потому что они правят летним небом. А зимой, после Великого Слета, когда рух отправляются вдаль с окрепшими птенцами, снежными горами правят они-ть... Гарпии...

Наконец, процессия развернулась и, прикрываясь идущими сзади лучниками, принялась спускаться вниз по извилистой тропе. Мертвецы остались лежать на плоской скале, разрываемые хохочущими от упоения тощими демонами. Филипп шел, погруженный в свои мрачные размышления, но, между тем, постоянно вслушивающийся в окружение. Он понимал, что и убитые у Вертеля, и эти пятеро гвардейцев – лишь первые жертвы зарождающейся войны. А за ними будут еще и другие. Уже в поселении он приказал всем собираться, и еще не случилась ночь, а гвардейский отряд уже медленно спускался по тропе, ведущей в Мориус, а там – и на равнины. Успокоившиеся пастухи, считающие, что угроза для них миновала, глядели им вслед. У каждой пастушьей семьи теперь звенело в кошельках золото, забранное графом у Мариэльд де Лилле Адан.

Вот только принесет ли оно им счастье?

* * *

Зима уступала теплым порывам весны. Чем ниже спускался с гор гвардейский отряд, тем сильнее плакали подтаявшим снегом деревья, тем скорее освобождались ото льда реки. Все таяло. Однако много где еще сугробы лежали цельно, высоко. Покинув пастушьи пастбища, Филипп запретил ночевать в городах. Поэтому двигались малолюдными тропами. Отходить далеко от бивуака было запрещено – все находились друг у друга на виду. Гвардейцы не понимали действий своего лорда и только наблюдали, как тот зорко вглядывается в каждого встреченного им на тропе путника, как вслушивается в отдаляющиеся его шаги или перестук копыт.

В один вечер они все расположились в пятидесяти милях от Мориуса, в густолесье. Пока одни прокапывались сквозь снег к земле, чтобы развести костер, другие сооружали лагерь. Юный паж бегал по периметру, собирал для костра сушину и подкладывал всем под раскатанные лежанки лапник с палками, чтоб было помягче и повыше.

Чуть погода все ужинали, заполняя брюхо сытной похлебкой.

После помощи поварам Жак быстро свернулся калачиком под одеялом из козьей шерсти. Он не переставал думать о том, когда они вернутся домой, чтобы он ненадолго отпросился в Нижние Тапилки. Нет, ему все было чрезвычайно интересно: и золотистые земли Летардии, и горбатый Бофраит, и даже высокогорные пастбища со стадами овец. Но его разбирало желание поскорее все рассказать своей родне. Жак домой хотел, к маме... Хотя конечно же, считая себя взрослым, он никому в этом не признавался.

Так Жак и лежал, думая о том, да о сем, но думая рассеяннo, как это обычно бывает у детей, когда его подозвал к себе Лука.

– Валежника набери, – приказал капитан.

– Много?

– Сколько унесут твои руки.

– А руки-то у меня всего две!

Жак улыбнулся полубеззубым ртом.

– И меня тоже две! – хохотнул гулко Лука. – И у нашего господина две! Хотя мне порой кажется, что больше. Уж так ловок и быстр был наш милорд в лагере у этих прилизанных южан. Видел бы ты, Жак-жучок, как мы их тогда!

– Но кони у ноэльцев никчемные... Я потом больше с забранным конем воевал, нежели перед этим с кровососами. Да и зашоренные они, – заметил один гвардеец.

– Кто? – удивился Жак. – Вампиры?

– Да нет, кони же.

– Да и южные вампиры оказались не такими страшными, как рисовались. Больше пугали. А сами-то врассыпную кинулись, как бабы! – хмыкнул Лука.

Филипп, сидя у костра, впервые за долгое время улыбнулся.

– Просто дело в том, что они привыкли внушать страх любому: будь то человек, вампир или зверь, – заметил он. – На страхе держатся многие вещи – и даже наша конница... Не так и сложно сдержать конницу, если применить правильную тактику, а против умелого и бесстрашного командира она и вовсе может быть разбита всухую. Но мало кто сможет спокойно стоять перед огромной и несущейся на галопе лошади. Почти любой строй, даже идеальный, рушится из-за чувства страха, присущего каждому... Внуши страх. Заставь побежать. И твои кони затопчут любое войско! Вот и мы внушили неожиданной и смелой атакой страх вампирам, отчего они и забыли про свое преимущество, а потому и разбежались. Страх – сильнейшая эмоция, но, покорив ее, можно совладать даже с тем противником, который поначалу кажется непобедимым, ибо станет понятно – что и он всего лишь умеет нагонять на прочих страх...

Жак стоял, разинув беззубый рот, и пытался понять то, что ему только что сказали. Но ничего так и не понял. Вид у него был до того потешный, наивный, что все конники не выдер-

жали – и загоготали. Они сами когда-то были такими же, и оттого вспомнилось им детство: солнечное и теплое.

– Хватит с Ямесом болтать, Жак! – прикрикнул на него Лука, делая серьезное лицо. – Забыл, что было приказано? Чтобы завтра быстро костер развели да позавтракали. Далеко не отходи. Живо! Туда и обратно стрелой! Вокруг лагеря! Понял?

– Да понял, понял... – насупился паж.

– Ничего ты не понял, Жак-жучок! А ну брысь!

И все, посмеиваясь, поглядели, как маленький паж шмыгнул в темные дебри леса и исчез в них. Ну а сами гвардейцы, разомлев от горячего питья, принялись беседовать. Говорили, как всякие мужчины, прежде всего об оружии, женщинах и лошадях.

– Лучше Казбара никого не видал! – приговаривал один гвардеец и глядел на вороного графского коня. От своего имени конь запрядал ушами.

– Соглашусь, но... – тянул Лука, прищурив карие глаза.

– Но что?

– Нет, и Казбар безупречен... Воистину графский конь, достойный шелковой попоны и украшенной изумрудами уздечки. А сам каков: силен, но летуч, будто стелется брюхом по земле! Но не в обиду нашему отцу-защитнику, однако душу мне греет воспоминание совсем о другом коне.

– О Тарантоне? – догадался один из конников.

– О нем самом! О Тарантоне, – глаза у Луки засияли, как у мальчишки, и после недолгого молчания он продолжил. – Самый лучший, верный и сильный конь из всех, кого я когда-либо видел! Я тогда мало в них разбирался, мальцом еще был, но стоило мне впервые увидеть отцовского Тарантона – сразу понял, что этот конь дороже жены и детей! Во всем он отца слушался. Будто понимал, что говорят. А старик любил его, как не любил нас, и, думается мне, будь у него выбор – он бы выбрал Тарантона. Кажется, в году, когда были сильные дожди, которые затопили Алмас... Какой же год? 2133, кажись. Тогда он вместе с господином Тастемара поехал унимать бунт среди оголодавших мужиков. А когда все остались в деревне, отец с тремя конными направился в соседнюю разузнуть, куда пропал зачинщик. Там их на дороге и поджидали – этот самый зачинщик с кучей злых мужиков. Окружили, коней похватили под узду! Других конников стащили, закололи и принялись, сволочи, грабить. Отец уж с жизнью распрощался, думал, скинут и его, между доспехами щели найдут, забьют. Тарантона поначалу хотели целым взять, ибо мужики не глупые – хороший конь хороших денег стоит. Но Тарантон как взбесился. Кусался, лягался! Тогда уже его колоть начали, вилами пыряют, а он не дается – будто понимает, что если его возьмут, то и до всадника доберутся. И вынес он моего старика из толпы, раненый, облитый кровью, исколотый, но вынес. Он с того дня хромать стал, но отец его не бросил – до конца жизни кормил, поил, ходил к нему, как к другу, душу отвести. И меня с собой брал, рассказывал истории чудные про кельпи и какого-то Уильяма. Дескать, говорил, Тарантон – конь не простой, а зачарованный! Потому и умный такой, и послушный. А когда Тарантон умер, то плакал над ним, как дитя малое. С той поры и подсел он, конечно, здоровьем стал хворать...

– Но нынешнего же тоже назвал Тарантоном, – заметил второй конник.

Все поглядели на молодого рыжего коня, который ранее принадлежал рыцарю.

– Да не тот это... Не тот Тарантон! – махнул рукой капитан. – Тот особенным был, может и в правду зачарованным – уж так жарко мой старик рассказывал о годах своей молодости. Если там есть хоть толика правды, то и я бы такого коня любил всей душой, пуще, чем семью свою! Что такое баба по сравнению с таким конем? Предложили б мне принцессу – я б и ее не взял! – и он повернулся к графу, который внимательно слушал с улыбкой на губах. – Милорд, так ли это? Правду ли мой старик говорил про околдованность?

– Все так, – улыбался тепло Филипп. Рассказ всколыхнул в нем воспоминания о чудном рыбаке и его кельпи. Это было тридцать пять лет назад.

– И водная демоница была? По-настоящему?

– И она была...

Больше Филипп ничего не сказал. Сейчас его внимание занял углубившийся в лес паж, шаги которого он слышал. К этому шуму добавился и другой, странный, будто легкий звон осыпавшегося стекла.

– Жак, – позвал граф.

Привстав, он повторил, еще громче:

– Жак!

Между тем, Жак уже отдалился от благодатного света костра, льющегося сквозь корявые ветви. Тих был лес, черен. В руках у пажа лежала большая охапка валежника, но такая, что он не разбирал перед собой дороги – и то и дело спотыкался. Услышав окрик, он засобиравшись назад. Уже идя к костру, ему вдруг почудилось, будто в лесу что-то ненадолго засияло, затем тоненько так зазвенело. Он повернул голову и заметил, что подле толстой ели, за которой что-то вспыхнуло, кто-то стоит. Гвардеец? Попыхтев и повернувшись боком, Жак и в правду увидел человеческий силуэт – да только не гвардейца, а одетого в пастушьи одежды чужака. Человек подходил все ближе и ближе. Жак смотрел на него и узнавал в нем одного из сыновей Ашира, а потому молчал и улыбался. Только чуть погодя он понял, что между Астернотовскими горами и местом их ночлега сотни миль...

Филипп уже сам готовился отправиться за мальчиком, поднявшись с поваленного дерева, укрытого льяником, когда услышал далекий детский вскрик. Тогда он резко обратился лицом к лесу, и его взор стал очень серьезен. Замерев, он вслушался. Подвесив на перевязь к ножнам с мечом еще и кинжал, граф приказал солтам:

– От костра не отходить. Коль явится что из леса, не разбегаться! Ждать всем здесь! Ясно?

Он пропал во тьме, слившись с ней, будто с родной стихией. Гвардейцы остались одни в полном недоумении, но, ощутив в словах господина угрозу, начали торопливо складывать посуду и собирать лагерь, оставляя необходимое лишь для ночлега. Чтобы, если что, можно было быстро собраться и отправиться в путь.

А Филипп шел по подтаявшему черному лесу. Он переступал корневища, продирался сквозь кусты, которые торчали проволокой, поднимался по холмам, проваливаясь по щиколотку в снег. Темная ночь была для него светлыми сумерками, но до чего же неприветлив этот ельник... В воздухе разливался свежий запах крови, и граф шел на него, пока, наконец, не обнаружил мальчика-пажа. Тот стоял и покачивался у толстой ели, повернувшись спиной. Голову он безвольно уронил на грудь. Его трясло, будто он сильно замерз, а у его ног был разбросан собранный им валежник. Еще чуть дальше лежал мертвый пастух с кровоточащей плоткой – и тут же в руке у него покоился нож, которым он сам себя и прирезал.

– Где она? – прогремел Жак полным гнева голосом. – Как посмел ты, смертный?

– Никто не знает, – ответил ледяным голосом Филипп.

– Никто? Никто!? А ты?

В ярости Жак развернулся. Скорее это даже тело его будто развернуло какой-то силой – и из-под хмурых бровей взглянули глаза, вспыхнувшие лютой злобой, какой никогда не бывает у невинного ребенка. Жак вскинул руку, и Филипп почувствовал, как воздух вокруг него всколыхнулся и сжался пружиной. Он успел среагировать, отпрыгнул, когда позади раздался грохот. Это затрещали ели, вырываемые с корнем, забились друг об друга камни, вздымаясь и летая в воздухе. Воздух наполнился жужжанием, грохотом и стоном ветра!

Вся эта злая атака, эта буря природы, призванная демоном, обрушилась на Филиппа.

Он успел уклониться от летящего в него валуна, обдавшего его россыпью земли. В прыжке прорвался сквозь острые, как ножи, палки, который обрушились на него ливнем.

Однако часть исполосовала его лицо, повредила левый глаз, отчего он ослеп на него – кровь полилась по разорванной щеке. Боль вспыхнула огнем, но он притупил ее. Затем почувствовал, как под ним ходуном заходил холм, но не растерявшись, он скакнул к велисиалу, сидящему в теле Жака. Тот отступил. Перед ним образовался щит из камней, и Филипп тут же получил сильный удар в ключицу, когда стал от них уворачиваться. Плечо его с хрустом вывернуло, а графу, чтобы избежать смерти, пришлось отпрыгнуть в сторону – и остальные камни пролетели мимо в другом направлении.

«Он слеп, – понял граф. – Видит в ночи, как человек. Бьет наугад».

Он был слишком быстр, двигался в окутывающей его тьме, едва различимый на фоне снега человеческим глазом. На него обрушивалась стихия, пытаясь смять, чтобы им потом воспользовались, как сосудом. Все вокруг визжало и билось с треском друг об друга, – но Филипп расчетливо ускальзывал, пытаясь обнаружить в защите брешь. А когда нашел, то раненый, но собранный, он по-звериному скакнул к велисиалу, обойдя его уже со спины.

Велисиал качнулся, узрев сзади движение, попытался заслониться от удара поднятыми валунами, но тело его было по-человечески уязвимым. Он двигался медленно, вязко. Он не успевал заслониться. Филипп скользнул к нему тенью, присогнувшись, вытянувшись стрелой. На мгновение блеснул клинок, отражая своими гранями снег, – но вокруг велисиала вспыхнул щит. Лезвие запылало огнем. Расплавленный металл закапал на графские сапоги, прожег их и льняные обмотки. Тогда Филипп сжал зубы от боли, отбросил рукоять бесполезного меча и прорвал щит уже рукой, будучи невосприимчивым к магии. Его рука просочилась сквозь радужную мерцающую материю, а пальцы сплелись вокруг шеи паж – и она тихо хрустнула, как сухая веточка.

Тут же буря улеглась, все стало с шумом осыпаться наземь: доселе летающие по воздуху камни, остатки сухой травы, а также хвоя и мох, – и все легло так тихо, будто и не случилось этой бури. Лег на снег и маленький бедный Жак.

Филипп осторожно отступил назад, держась за плечо; тело его отозвалось яркой болью на все произошедшее. Чувствуя, как загорелась пропоротая сучьями щека, а кровь закапала на белый снег, он отходил к бивуаку все дальше и дальше, пока паж так и продолжал лежать ничком.

Вдруг Жак шевельнулся. Шевельнулся раз, шевельнулся два... Поначалу эти подергивания можно было счесть за дерганья только что умершего. Такое нередко бывает на полях боя, когда глаза погибшего воина уже закрыты, а руки и ноги еще дрожат, будто желая сражаться. Но это тело шевелилось совсем от иного... Вдруг его неестественно подкинуло вверх, скрючило и вывернуло так, что паж сложился пополам. Затем из него показалась будто бы тонкая неясная нога. Она вытягивалась, вытягивалась... словно это паук протискивается наружу из малой для него норы. Пока она не разогнулась и не оперлась о землю. Тут же полезла и вторая нога, третья, четвертая, несущие на себе нечто бесформенное, дымное и не имеющее головы.

Филипп же уже бежал к лагерю.

Меж тем, существо выросло и заколыхалось над убитым Жаком. В его бездонном теле, еще просвечивающем насквозь, вспыхнул голубой свет, который обратился в подобие множества глаз-звезд. Сквозь ночь оно нашло взором убегающего и в полном молчании то ли полетело, то ли поползло за ним – уже непроницаемо-черное.

Филипп мчался напролом через лес, спиной чувствуя смерть. Слева от него показался велисиал. Он обвинил конечностями ствол ели, погрузившись в него, и прыгнул, сжатый, как пружина, к вампиру. Тот отскочил, не дал коснуться себя! Затем устремился что есть сил дальше, к свету приближающегося костра! Тут существо обплыло его, разделилось на две части, будто став черными крыльями, протянуло к нему в своем странно-неторопливом полете конечности, которые, сплетаясь, напомнили уродливые руки. Его многочисленные глаза вдруг вспыхнули белоснежным светом, светом неудержимым, болезненным – а потом также вспыхнуло и все его

тело, бледно осветив дремучий ельник. Филипп глухо вскрикнул от боли, ослепнув. Ничего не видя, он прыгнул, чтобы оторваться от преследователя; почувствовал, как ноги нащупали не опору, а лишь пустоту, прокатился по снежному холму кубарем, сквозь колючий кустарник. Там он ударился об дерево, стесав об него ухо, однако тут же подскочил, чуя свою тихую гибель – велисиал скользил за ним без шума.

Филипп бежал, слыша сердца своих гвардейцев. Сердца стучали, и он бежал на этот благодатный стук, ослепленный, но не позволяющий сбить себя со следа. Его не загонят в дебри леса, и он не дастся врагу... Ему обожгло запястье, и проясняющимся зрением он увидел, как сама смерть схватила за него словно черными человеческими руками, размахивая уже одним крылом. Она обратила к нему свой лик с бездонными глазницами, где уже лишь едва вспыхивал свет. Затем подтянулась к графу, попыталась приобнять его, чтобы слиться. Чувствуя, как тело становится ему неподвластно, Филипп сделал последний рывок – к бивуаку.

Он выбежал из леса на гвардейцев, которые при виде существа, что держалось за их господина, неистово завопили от ужаса и кинулись на помощь. Однако Филипп ринулся мимо них – к пылающему костру. Едва не рухнув в костер, он вытянул руку с картой к огню и закричал яростно-ледяным голосом:

– Стой! Я сожгу! Сожгу карту! Стой!!!

Искры от костра взметнулись ввысь, рассыпались. При виде карты существо застыло и оторвалось от Филиппа, отпорхнув одним крылом по другую сторону костра. Оно застыло, вздыбаясь над племенем, пропуская сквозь себя дым и заслоняя собой звездной небо. Тут же его окружили гвардейцы, чтобы пырнуть сзади и с боков копьями, однако острия лишь просочились сквозь, не нанеся никакого вреда.

Существо стояло, качалось и глядело на карту своей тысячью глаз-звезд поверх трещащего пламени.

– Я не знаю, где ее спрятали! – продолжил грозно Филипп, чувствуя во рту вкус крови. – Только в карте путь. А если я сожгу ее – ты в жизни не отыщешь сестру! Больше никто не знает, где она!

Оно бесшумно обползло его по кругу, не приближаясь, но и не отдаляясь. В ответ Филипп также обошел костер, держа руку вытянутой. Миг – и карту слизнет прожорливое пламя. Еще миг – от нее не останется и следа. Успеет ли велисиал? Однако велисиал сомневался. Он застыл... Он так напоминал то странное явление в пещерах в Офурте, что не стоило сомневаться – тогда граф встретился именно с таким же существом. Этот, однако, выглядел чуть иначе. Только сейчас, когда он замер, Филипп заметил, что конечности у него расположены неравномерно. Больше их было на правой стороне, да и глаза были будто бы скошены вправо, словно существо являлось не цельным, а половиной целого...

Понимая, что призрачное существо неуязвимо, солры в ужасе отхлынули от него волной, застыли подле господина. В воздухе разнеслись молитвы, пока Филипп продолжал глядеть на своего врага ледяным взором.

– А теперь слушай меня, Гаар. Я требую обмена пленниками. Явись в замок Йефасы ко дню Аарда, – приказал он. – Если не явишься, карта будет уничтожена! Не думай, что сможешь подловить меня на пути в Йефасу, обмануть или даже убить. Поверь, я успею сделать так, чтобы твоя сестра осталась погребена в горах навечно.

Существо замерло. Оно колыхалось на месте, и взор его был прикован к протянутой к огню руке. Видимо, размышляло... Судя по всему, творить магию в этой бесплотной личине оно не могло. Пока гвардейцы шептали молитвы, Филипп не отрывал решительного взгляда от противника. Время тянулось бесконечно долго... Наконец, велисиал за костром съежился и нехотя скользнул под сень раскидистой ели, где стал напоминать скорее ее тень. Задержавшись ненадолго у дерева, чуть погодя он слился с ночью, потух, как погасший светильник, и исчез...

Еще некоторое время Филипп ждал у костра, чувствуя, как задеревенело его тело, как сжались в ком его мускулы и нервы. Однако, похоже, враг понял, что рисковать пока не стоит. В конце концов, граф, едва пошатываясь от напряжения, лишившего его последних сил, оодвинулся от костра. Трясущейся рукой он спрятал у груди драгоценную карту, которая спасла ему жизнь. Он ослеп на один глаз, стал изуродован лицом, лишился уха, которое свисало где-то

около шеи, а плечо ему отвратительно вывернуло – но в сегодняшней битве он победил. Победил духом.

К нему тогда кинулись гвардейцы, чтобы помочь. Они переживали, что ранение угрожает жизни того, кого они любили, как простые воины. Их даже не смутило, что из разорванной щеки выглядывают острые зубы. Но граф лишь спокойно отмахнулся, помощи не принял – только отослал их на поиски Жака. Они вступили в лес, как страшась темноты дети. Филипп слушал их шаги, слушал и слушал, пока, наконец, убедившись, что они возвращаются с телом ребенка, не сел у костра... Он казался внешне спокойным, но сел он по-старчески устало, будто доконало его это все. И, вправив со стоном себе плечо, он принялся вытаскивать из щеки дрожащими руками щепки, отчего кровь заструилась по его гамбезону, штанам.

Никто из солдов не мог уснуть до утра. Все боялись. Несчастного пажа Жака, прозванного ласково Жучком за любовь грызть орешки быстро и с треском, как трещат крыльями жуки, похоронили в корнях елей.

* * *

Утром гвардейцы выдвинулись в путь. С того момента они заметили, что их хозяин очень переменялся – всего-то за одну ночь. Если и до этого он был осторожен, но все-таки позволял себе и разговоры у костра, и принимал шутки, и всячески поддерживал своих воинов, то после открытого появления врага он отделился ото всех. Взгляд его сделался ледяным. Пронзительные синие глаза разглядывали каждого, не веря уже никому. Он подолгу молчал, даже когда его спрашивали о чем-то, подходя, а его напряженная одеревеневшая рука всегда лежала у сердца, где он хранил и свою жизнь, и свою смерть. Ночами напролет граф сидел вплотную к костру, готовый в ответ на нападение сдержать клятву и сжечь письмо. А если не сжечь, так разорвать или утопить в растаявших снегах, что обратились бегущими ручьями.

Между тем, его нельзя было назвать сумасшедшим – хоть и доводил он себя до безумия, но то было безумие вынужденное и оправданное. Станные дела происходили вокруг отряда, пока он двигался в Йефасу. В один из дней мимо них проскакал самого неприятельного вида гонец, который под видом хромоты лошади попросил отдыха у костра, однако был изгнан Филиппом. Когда гонец воспротивился, то солтам был тут же дан жесткий приказ умертвить его – и только тогда непрощенный гость спешно удался пешком, бросив и лошадь, и пожитки, и устремляя слишком долгие взгляды на протянутую к огню руку со свернутой картой. Может взгляды и были лишены подозрительности, а может и гонец был самым обычным человеком, удивленным столь нерадушному приему, но таких сомнительных встреч на их пути случилось много.

Каждая такая встреча отзывалась в мыслях графа напряженным вопросом – а не Гаар ли это затаился, готовый подойти как можно ближе, чтобы мгновенно убить своего врага?

А в одну из ночей поднялся сильный туман, окутавший холм у реки, где расположились бивуаком гвардейцы. Тогда граф сосредоточенно вслушивался в окрестности, пока не почувствовал в своих пальцах слабость. Но слабость эта нарастала очень медленно и незаметно, слипая очи. Тогда рука его почти безвольно опустилась, а пламя костра, подле которого он сидел, поблекло, затухая, но тут в его ноги вдруг упала сова. Упала странно... будто уснула в полете... Филипп тогда резко разогнулся, обозрел все вокруг, видя, что все гвардейцы спят мертвым сном – и сделал решительный шаг к огню. Прыгнувшая на бумагу искра охватила карту, готовая разгореться в жадное пламя, но подул ветер – и странный туман стал на глазах редеть, пока не рассеялся.

Уже поутру оказалось, что несколько гвардейцев так и не очнулись, уснув беспробудным сном.

Но после того, как краешек карты слегка подгорел – с того момента прекратились все странности, исчезнув без следа. Понял ли велисиал, что столкнулся со слишком решительным и настороженным врагом, к которому невозможно подкрасться незамеченным? Что перед ним

тот, кто не собирается быть жертвой? Или то была попытка ослабить бдительность? Если Гаару и удалось подобраться к графу Тастемара в облике кого-нибудь, пусть даже он и ехал сейчас рядом с ним в личине одного из солров – ему не дали ни шанса. Однако какова цена этой изнуряющей борьбы? В моменты, когда напряженный ум, выискивающий опасность в каждой поселковой лающей собаке или проезжающем путнике, становился ясен, Филиппу казалось, что это одно из его последний сражений, которое будет последним независимо от исхода.

Глава 3. Надтреснутый совет.

Йефаса

«Явись...» – трижды за время пути Филипп слышал призыв их главы, который обращался к нему и ко всем старейшинам. Подъезжая, граф оглядел Молчаливый замок, который гудел и шумел, будто живой. Впервые замок был полон, как во времена своего расцвета. Однако, как солнце ярко лучит в полдень, так порой оно ярко лучит и на закате.

К только что прибывшему гостю тут же заспешил семенящим шагом управитель Жедрусек в своей алой мантии. Его левая рука покоилась под одеждой. Приблизившись, он замер в поклоне, правда, не таком вежливом, как прежде.

– Вам позволили явиться сюда вновь? – неуверенно спросил он.

Филипп окинул управителя ледяным взглядом, пытаясь разобраться, насмешка ли это над изгнанным старейшиной или незнание? Но взгляд Жедрусэка был настолько застращанным, к тому же и рука его, явно больная, покоилась под мантией, что граф понял – в том беспорядке, что сейчас творится, даже управитель не справляется со своими задачами.

– Позволили, – спокойно сказал он. – Подготовь комнату мне и слугам. И сообщи господину Форанциссу, что я прибыл с важными новостями.

– Хорошо. Скоро как раз намечался совет касаясь графини Лилле Адан, – заметил Жедрусек после небольшой заминки.

– Горрон де Донताल уже прибыл? – увидев отрицательный взмах головы, граф продолжил. – Что-нибудь известно о его прибытии? Где он?

– Я не ведаю. Наш господин в последние дни... он сильно занят. Поэтому мы не рискуем нарушать его покой...

– Кто будет на совете?

– Точно не знаю... – поджал губы управитель.

– Если не знаешь, слуга, так скажи хотя бы, кого еще нет, – спросил граф как можно сдержаннее.

– Нет Марко Горнея, Синистари, а также Федерика Гордого и Намора из Рудников.

Филипп фон де Тастемара не ответил, но подумал, что, значит, остались лишь те, кто жил на крайнем Севере.

– Пойдемте со мной, – сообщил растерянно Жедрусек. – Нужно найти других слуг, чтобы подготовить вам покои. Давно замок не был так полон... да, полон... так что и слуги, и конюхи сбиты с ног...

Жедрусек печально вздохнул, поправил больную руку, которую ему повредил в вспышке ярости его же хозяин, и повел нежданного гостя по череде темных коридоров.

В замке было не протолкнуться. По пути Филиппу встречались те старейшины, с которыми он хорошо общался, и те, кто был едва знаком ему, и даже те, о имени которых приходилось лишь догадываться по внешнему виду. Здесь имелись старейшины совсем молодые, занятые пока лишь накоплением богатств. Они с любопытством глядели на осанистого графа Тастемара и тут же спешили дальше – будто каждая их минута стоила большого золота. Здесь были старейшины едва живые. Старики Винефред и Сигберт уже не имели ни носов, ни ушей, а на их черепах земляного цвета висели паклями пучки волос. Они и ходили, как звери, ковыляя и пригибаясь, одетые в одежды буквально ради приличия. И не обратили они на графа Тастемара ни единого взора, но не от презрения, как вещала когда-то Амелотта, а скорее от того, что мало что на этом свете их теперь интересовало. Наблюдая за их лицами, Филипп понимал, что, даже захоти они снова примкнуть к миру живых, мир живых уже не примет их.

Чуть позже его пригласили в прибранную комнату. Там, положив руку на грудь, где покоилась ценнейшая карта, граф принялся устало дожидаться встречи с Летэ. Он знал, что теперь его выслушают.

* * *

Спустя несколько дней

Старейшины собрались в пещере под замком: угрюмые, хранящие на лицах маску беспристрастия. В давние времена их было куда больше, и каменный стол, высеченный из гранита, еще носил память о тех пятидесяти, что держали в своих руках власть над Севером. Но сейчас их насчитывалось едва лишь двадцать пять... Да и владения их с каждым веком неумолимо сокращались, становясь все меньше и меньше. За одно предательство Мариэльд де Лилле Адан они потеряли четыре «дара», крупнейший феодал – Ноэльское графство, а также тот денежный банковский ресурс, что позволял им нанимать и передвигать по карте своих владений войска, создавая из клана грозную силу. Пусть и старую, но силу.

Все глядели на главу.

Летэ молчал. Он лишь перебирал пальцами, которые оканчивались длинными желтыми ногтями, свой рубиновый браслет. Наконец, он поднялся с каменной скамьи и обвел совет тяжелым взглядом, остановившись на миг на Филиппе, рука которого еще была обмотана из-за передачи воспоминаний. Затем он сказал протяжно-надтреснутым голосом:

– Мы все знаем, зачем собрались здесь. Веками наш клан Сир'ес твердо стоял, упираясь ногами в край Северного горного хребта, а головой – в Южный залив. Мы покорили эти земли еще в те времена, когда посреди ковыльных степей за ночь вырастали горы. Нам сопротивлялись другие старейшины... Однако они пали под нашей карающей дланью. Нам сопротивлялись королевства... Но и их мы побороли, заставив признать нашу силу. Сейчас наша власть неоспорима. Мы правим Севером. Но все ли враги побеждены нами?

Обратив к графу свои словно обросшие льдом серые глаза, он продолжил:

– Филипп, твой род Тастемара столетиями правил Перепутными землями и служил на благо клану. Однако глаза мои закрыл враг. Больше твое присутствие здесь оспорено не будет, и даже более... *Отныне я доверяю тебе носить и оберегать карту до окончания обмена. Такова моя воля и священная клятва!* – последнюю фразу он выговорил на Хор'Афе, произнеся таким образом нерушимую клятву. – Так встань! Встань и поведай, с каким доселе незримым врагом мы столкнулись... Кто посмел лишить нас ее... – тут его голос едва дрогнул, но он так и не смог назвать имя Мариэльд.

Филипп поднялся, спокойно кивнул, принимая извинения – его честь была восстановлена. Затем он взглянул на всех ясным холодным взглядом и стал рассказывать. Рассказ его был очень долгим, потому что он старательно вкладывал в свою речь даже мельчайшие детали, которые могли оказаться важными для совета.

Сначала он поведал о встреченном им маге Зостре ра'Шасе и его задании доставить мешок шинозы, затем о существах, способных творить магию в человеческих телах – велисиалах. Все его долгие поиски, в которых он очень старательно распутывал этот сложный клубок истории, сейчас раскатывался на глазах старейшин. Это уже не казалось им безумием, да и сам граф Тастемара теперь в их глазах, наоборот, стал тем, кем он должен был стать изначально – пророком грядущих бедствий. А когда речь зашла об истинной личине императора Кристиана, то лица у половины совета вытянулись. Все стали в уме высчитывать, когда они впервые услышали об этом Ямесе, и с удивлением осознали, что все единые северные божества действительно следовали строго друг за другом. Затем Филипп поведал о своей догадке касавшейся того, что заключенный в Мариэльд велисиал не способен связываться со своими братьями и сестрами из-за личины старейшины. В конце его утомительного рассказа, который был страшен своей правдой, последовали результаты изнуряющей погони, когда он все-таки настиг графиню

Лилле Адан, которая окольными путями направлялась к порту, чтобы на корабле попасть в Детхай, а уже оттуда – в Ноэль, ибо она опасалась перехода через Гаивварский переход.

* * *

– *«Хочу тебя огорчить, но я всегда была той самой Мариэльд, которую знал совет, Мариэльд, что спасла совет от Теуха, пожертвовав семьей...»* – Филипп закончил свою речь фразой затерянной в горах пленницы.

– Она не могла... – шепнула Амелотта де Моренн.

– Однако смогла, – гулко отозвался ярл Барден.

– Это обман! – снова воспротивилась Амелотта. – Я знаю ее с тех давних лет, когда еще половина совета не родилась! Мари всегда была предана клану. Она любила его всем сердцем, она любила нас всем сердцем, потому что мы были ее единственной семьей! О, я помню ее плачущий взор, когда она убаюкивала на руках мертвых Морулеона и Юлиана в дриадском зале... Ее нынешний сын получил свое новое имя в память о тех временах... Она не могла! Так что все это обман, попытки этих мерзавцев запутать нас! Они подменили ее недавно! – и Амелотта испуганно поджала губы.

Никто ей не ответил. Все погрузилось в черные, мрачные размышления. Филипп оглядел старейшин: может и выглядящих внешне молодо, но в душе – согбенных жизнью стариков. Они все боятся, думал он, боятся того, что произойдет, если Мариэльд действительно была подменена с самого начала – ведь их мир тогда изначально был выстроен на лжи. Тогда не будет веры даже тем, с кем они прошли войны. Они цепляются за свою светлую память о молодости. А те, кто не цепляется, уже живет больше по привычке, нежели необходимости, превращаясь в зверье.

Наконец, чуть погода тишину нарушил барон Теорат Черный, который едва прикрыл свои черные хищные глаза в размышлениях.

– Как они смогли убить Ярвена? – спросил он.

– Его нашли изрубленным, – ответил Летэ. – Его изрубили на столь мелкие части, что дар его отказался жить.

– Чем изрубили? – снова дотошно спросил Теорат.

– В его комнате в пенале лежали ножи для очинки перьев – ими и убили.

– Хорошо, – кивнул Теорат. – Теперь, по опыту двух старейшин, мы достоверно убедились, что велисиалы точно не способны влиять на нас непосредственно, а лишь через окружение, применяя его, – затем он посмотрел на Филиппа. – Знаем теперь и то, что они не способны вселяться в зверя или птицу. Иначе бы им ничего не стоило отыскать узилище Мариэльд по воспоминаниям какой-нибудь парящей в небе гарпии, которая видела идущих по снегу смертных. Следовательно, они зависимы от присутствия человека.

– Да, – согласился Филипп. – Если у меня еще были сомнения касемо звериных тел, отчего пришлось идти на риск, то они рассеялись после прихода Гаара, который перебрался в пастуха. Что касается людей... Похоже, что им нужен не человек, как таковой, а его человеческая форма или форма, обладающая человеческим сознанием. Ведь они смогли занять тело учителя Юлиана, некоего Вицеллия, – а тот был вампиром.

– Но почему именно человеческая форма, а не звериная, например? – задумался Теорат. – Ведь зверей в разы больше, чем людей.

– Тогда почему сразу не те бессмертные твари, о которых рассказывают легенды? – развил мысль басовитый Ольстер. – Если они подтвердили, что это именно они изгнали всех бессмертных устрашающих тварей, заставив забиться их по углам, то почему бы им не занять их могучие тела?

– Из-за магии, – предположил Филипп. – Возможно, звериная личина, будь то сова или мышь, слишком тесна для них в качестве... кувшина что ли. Демоническая же личина, вроде вампиров, им подходит, но, как я могу предположить, она ограничивает возможности маго-

творства, потому что вампиры, со слов того же колдуна Зостры, устойчивы к магии, а, значит, они ее также поглощают. Ну а полностью бессмертные формы... кхм... в них велисиалы беспомощны и могут полагаться лишь на силу рук. Таким образом, никто не подходит в качестве сосуда лучше, чем человек. Тем более, людей сотни и сотни тысяч, и они постоянно растут числом, в то время, как демонов много меньше, а бессмертных – и вовсе единицы...

– Остается понять, для чего они все это затеяли, – подытожил сухо Теорат Черный. – Ежели бы они могли предвидеть все – они бы правили временем и ситуациями более разумно. Тогда им бы и не понадобилось искать тебя, дабы выяснить, где захоронена Мариэльд. Да и не стоял бы ты здесь, Филипп, прижимая к сердцу карту. Значит, провидение доступно им не в полной мере... Но зачем это все? Не исправляют ли они сейчас свои прошлые ошибки? Или к чему-то готовятся? – закончил задумчиво он.

* * *

– Хватит об этом!

Летэ едва хлопнул по каменному столу ладонью, пресекая подобные разговоры. От этого Теорат Черный презрительно усмехнулся, но усмешка его осталась неувиденной, ибо он сидел с краю стола. Глава совета снова грузно поднялся со скамьи, подобрав мантию, и нахмурился. Затем он обратился к старейшинам, разглядывая их почти в абсолютной темноте:

– Сейчас перед нами стоят куда более важные вопросы. Вопросы не грядущего, а нынешнего, которые нужно решить первоочередно. Ко дню весенних празднеств смертных явится их посланник, чтобы получить карту с месторасположением... с ее месторасположением... Но перед переговорами мне должно узнать, не продолжает ли враг сидеть здесь и слушать мои речи?

В пещерном зале тут же воцарилось напряжение. Многие из двадцати трех присутствующих подняли свой взор – и взор этот был преисполнен затаенного, а кое-где и явного негодования. Все поняли, о чем пойдет речь. О Гейонеше, а точнее, о передаче с помощью него воспоминаний каждого члена совета его главе!

– Это позорный обряд! – зло заметила Амелотта.

– Повторю еще раз... – глухо отозвался Летэ. – Я не потерплю врага в своем окружении.

– Но это противоречит всем нашим традициям и законам! – воспротивилась Амелотта. – Даже зывание к священной клятве на крови, которая течет в наших жилах, не обязует распахивать память Гейонешем! Это добровольное дело. А когда мы выступали против нашего врага, то Гейонеш и вовсе заменялся обыкновенной клятвой!

– Клятвы не работают против «них», – сказал Летэ.

– Даже испей мы все Гейонеша, – заметил осторожно Теорат. – Они могут проникнуть в замок с прислугой. Хорошо, мы проверим прислугу, проверим, предположим, сегодня и убедимся, что она не подменена. Но что мешает подменить ее завтра, пусть даже в личине вампира они будут ограничены в творении магии? А что помешает им подменить кого-нибудь из нас сразу после проверки Гейонешем? Что помешает подменить вас, сир'ес?

– Теорат прав! – выпалила, будто каркнула Амелотта. – Гейонешем ты лишь внесешь смуту в наши ряды. Мы и так пострадали, лишившись Мари... – она вздохнула, а сквозь ледяную маску проявилось горе, сделавшее ее сморщенное лицо живым. – Они захватили ее... Зачем, зачем им нужен кто-то еще, Летэ, если у них была она? Теперь здесь остались лишь мы одни...

Тут из-за стола донеслось полужвериное ворчание.

– Знают о нас все... Все... хррр.. знают... Об-ыгр-али... – проворчал Винефред.

Винефред обозрел совет своими блеклыми глазами, лишенными цвета – они у него были почти белыми. Лицо у Винефреда походило на лицо выкопанного из могилы мертвеца – он жил как зверь уже много лет. Его волосы висели на голове редкими пучками; он уже начал терять их, как теряет всякий старейшина, забывающий о том, что такое кровать и теплый очаг. Винефред

жил вместе с Сигбертом в далеких снежных горах Филонеллона, соседствуя с ярлом Барденом. Но питались эти двое часто не людьми, а зверьми, потому что уходили слишком далеко от поселений. Его иссушенное сердце с трудом билось в чахлой груди, но ни один из старейшин не рискнул бы бороться против Винефреда – вампира старого, опасного и нелюдимого.

В совете начались горячие споры.

Гейонеш считался унижительным напитком. Никто не желал выворачивать свою душу. Никто не хотел, чтобы ему заглянули в сердце, потому что зачастую там обитали и страхи, и сомнения, которые каждый тщательно прятал. Почти все те, кто был весьма молод, может и не противились показать свои воспоминания Летэ, но они глядели на тех, кто был древнее. А вот все древние, те, кто был старше тысячи лет, упрямо отказались под разными предлогами.

Летэ сидел, и лицо его перекосила холодная усмешка того, кого предали и готовились предать снова. Ведь он понимал, что большая часть старейшин в 1213 году, в тот переломный момент, когда клан Сир'Ес готовился обратиться в прах, думала о переходе в противоборствующий клан Теух. И выявление этого вследствие передачи воспоминаний могло не просто пошатнуть, а и вовсе разрушить репутацию любого старейшины. Летэ был славен своей мстительностью, пусть уже и старой, но мстительностью. Разве это не он приказал иссушить всех Теух до единого, даже тех, кто клятвенно обещал служить ему на крови?

– Горрон? Где Горрон? – поинтересовалась Амелотта. – У нас остался один-единственный мнемоник, способный разрешить этот вопрос, но почему его нет?

– И правда, где эта шельма? – гулко спросил ярл Барден.

– Горрон прибудет летом, – со сдержанным гневом ответил Летэ. – Я столько ждать не собираюсь... Мне нужны доказательства преданности клану, подтверждение того, что все находящиеся здесь сидят за этим столом не зазря. Я не смею потребовать от вас исполнения обряда, ибо это не входит в священную клятву. Но каждый из вас должен решить, хочет ли он и дальше касаться этого каменного стола, высеченного на моих глазах из цельной скалы. Таково мое решение!

* * *

– Что касается других дел, – продолжил глава уже ледяным голосом. – Наш крупнейший Ноэльский феодал остался без наследника. Поэтому мне потребуется старейшина, способный провести войско через Гаиврарский перевал, чтобы успеть захватить власть и в графстве, и в Цветочном банке, а также успокоить там волнения.

– Сир'ес... – прокашлялся Инсо Кимский, один из молодых. – Кхм, боюсь, что в банке захватить власть не выйдет-с...

– Почему?

Инсо Кимский заволновался, чувствуя на себе тяжелый взгляд главы. Однако он не мог промолчать, понимая, что, как банкир, обязан сообщить о том, что не все в этом меняющемся мире уже захватывается силой.

– Цветочный банк является по сути казной Ноэльского графства, да. Но по бумагам он независим-с! – торопливо сказал он. – На данный момент эта казна должна быть почти опустошена, потому что те слухи, что передал графу Тастемара управляющий Ярвена – это верная правда! Из казны Ноэльского графства была оплачена как глеофская война в Стоохсе, так и готовящаяся война на юге. Так что можно считать, что почти вся ноэльская казна сейчас покоится в других королевствах в качестве займов, кхм... Дабы вернуть сии займы, нам нужны представители графского рода Лилле Аданов. Или Юлиан, или Мариэльд. И никто более! Только они властны над ноэльскими управляющими первого и второго порядка. Вместе с ними можно было бы использовать их гербовый перстень, который широко известен в узких банковских кругах, как заверительная печать, – и банкир пугливо поглядел на графа Тастемара. – Но, похоже, что «Голубой Олеандр» для нас безнадежно утерян-с...

– Мы получим Юлиана де Лилле Адана в ходе обмена, – заметил Летэ, своим тоном пресекая любые возражения.

Банкиру оставалось лишь покорно склонить голову, будто признавая свою неправоту и соглашаясь с приведенными доводами. На деле он лишь побоялся воспротивиться, что для бессмертного полгода-год ожидания обмена пленниками – это миг, но для банковских дел – это долгий срок. Не стал высказываться и Теорат Черный, хотя его обсидиановые глаза и блеснули в скрытом несогласии.

– Ноэльское графство – самое богатое из всех наших феодалов, – подытожил Летэ. – Я готов одарить частью его доходов того, кто продемонстрирует истинную преданность клану! Кто, показав воспоминания, двинется к Ноэлю во главе моего смертного войска, – и он обзрел совет, задержал взор на филоноллонском ярле. – Барден, ты один из самых умелых военачальников клана.

– Там уже не в ходу северный язык, – ответил вместо ярла Теорат Черный.

– Как такое возможно? – удивился Летэ.

– Возможно. Ноэльцы давно уже не северяне: ни умом, ни бытом, ни речью. Они говорят на аельском языке, а на нем не говорит наш исключительно северный Барден.

Ярл Барден кивнул.

– Мне на этом дрянном юге делать нечего, Летэ, – подтвердил он. – После Гейонеша мне пристало отправиться в Брасо-Дэнто. Раз уж это дерьмо все-таки случилось, то надо подхватить дела Филиппа, пока он будет здесь. Нельзя позволить этому Ямесовскому выродку взять Брасо-Дэнто. Нельзя! Лучше было бы сразу зайти в Глеофию да поздороваться, – и Барден свирепо усмехнулся, сверкнув клыками. – Да вот у нас нет ни осадных орудий, ни большого войска. Так что мы встретимся с этим куском бога там, в Солраге. И я из него всю кровь выпью!

– Хорошо, хорошо, – согласился Летэ. – Да, в Солраге ты нужнее... Тогда будет лучше, если туда отправится тот, кто владеет аельским языком и знает местные нравы.

Летэ взглянул на нескольких старейшин, живущих или некогда живущих рядом с югом. Это был рыжебородый Ольстер Орхейс, знающий язык скудно, по общению с приезжими купцами, но все равно знающий. Это были Теорат Черный и Шауни де Бекк, живущие подле порога юга всю свою жизнь, а потому прекрасно владеющие всеми южными и околуюжными языками и наречиями. Это также были и два помещика: Джазелон Дару и его нареченный сын, Тирготт. Они вдвоем занимались торговлей с морским побережьем, поэтому ведали, на чем и как там говорят. Помимо них, имелся еще и затворник Гордий Яхт, живущий в горах Альбаоса севернее Ноэля – изредка он спускался в человеческие поселения, ходил в них, слушал речь и сносно говорил по-аельски, ибо в давние времена, бывало, навещал саму Мариэльду де Лилле Адан, пока не обрек сам себя на одиночество.

Их было шестеро – тех, кто мог возглавить поход в Ноэль.

Однако взоры всех были прикованы прежде всего к Теорату Черному. Всем казалось, что именно он должен вызваться первым, чтобы захватить эту золотоносную жилу – Ноэль. Но барон молчал, прикрыв черные глаза. Молчали и прочие. Никто не рвался выразить свою верность.

Так и тянулось время.

– Почему никто не желает доказать клану преданность? – спросил грозно Летэ. – Ольстер. Ты века провел у берегов залива и во времена Кровавой войны водил армии.

Ольстер Рыжебородый молчал и хмурился, положив лапища на стол. Всею душой он рвался к солнечным берегам юга, мечтал когда-нибудь увидеть воочию ласковое море. Но его обурекала смутная тревога грядущей беды. Он не успел ни согласиться, ни отказаться, когда в дело вмешался ярл Барден Тихий. Ярлу не хотелось отпускать от себя своего единственного родственника, поэтому он мотнул седо-рыжей головой и пробасил:

– Со мной пусть едет! Помощником будет. Дерьмо будем разгребать вместе, потому что я не буду разрываться и на Солраг, и на Йефасу, и на Филонеллон! Пусть в Ноэль поедет кто-нибудь другой!

– Я бы не торопился туда ехать, на самом деле, – сухо заметил Теорат. – Как я понял из рассказа графа, тот маг Пацель неспроста являлся Верховным магом Детхая. Думается мне, что он занимал это политическое место намеренно, а целью его было прежде всего уберечь Ноэль от посягательств детхайских южан. Кто знает, сколько веков он заботился о нем? Сейчас же южан ничего, кроме страха, сдерживать не будет. Но когда они все узнают, что на графиню Лилле Адан напали... А они уже должны были узнать...

– Вот мы и покажем свою силу, Теорат, – сказал Летэ.

– Как бы только юг не показал нам ее... – осторожничал барон.

– Ты тоже отказываешься ехать? – спросил Летэ.

– Боюсь, что мне это не по силам, – ответил Теорат. – Я не содержал и не содержу войск и не умею их водить, как водили все наши прославленные северные воеводы, – и его тонкие губы растянулись в легкой насмешке. – А не содержу потому, что у залива надо выживать иначе, нежели на севере. Войско у нас куда неповоротливее, чем навьюченный золотом мул. Да и как говорят смертные, Ноэль может стать «тем ломтем, которым можно подавиться».

Многие из старейшин при этих словах задумались.

Летэ это не смущало. Он продолжал настойчиво искать глазами претендента, пока, наконец, свою преданность не пожелали выказать двое старейшин: Джазелон и Тиргот. Это были небогатые старейшины, поэтому пусть поход и обещал быть нелегким, но они уже грезили о том баснословном богатстве, что получают с ноэльских проездных пошлин.

Ольстер Рыжебородый же лишь отмолчался, сочтя вмешательство своего старшего родича решающим. Когда Филипп посмотрел на него, то он и вовсе покачал своей рыжей головой, как бы говоря, что чертова судьба снова насильно тащит его на север.

Другие сидящие в пещере будто и вовсе не интересовались происходящим. Они были здесь лишь потому, что обязаны были прибыть из-за столь громкого предательства. До этого многие из них появлялись столь редко, что и вовсе перестали вникать в дела клана. А некоторым уже попросту не хотелось лишний раз озадачивать себя, ибо они скорее не жили, а существовали по привычке. И Филипп разглядывал их из-под хмурых бровей. Он разглядывал полуживую отрешенную Пайтрис, странно-молчаливую Амелотту, дремлющих Винефреда и Сигберта, и ненадолго его мысли сместились с приближающихся переговоров к той ночи, когда Мариэльд говорила о бессмертии и старости.

«Стоило ситуации смениться с отсиживания в замках до войны, как заскрипели кости и разломались ржавые мечи... Как же мы стары...» – устало подумал Филипп.

* * *

Поздно ночью из Молчаливого замка отбыла герцогиня Амелотта де Моренн. Герцогиня сослалась на необходимость успокоить восстания в своих землях, которые учинил ее военачальник. Но все понимали – ей требовалось в уединении почтить память своей подруги, что была ей сестрою. За все эти дни никто не услышал от нее ни одного вредного слова; она ходила гримом по высоким залам, больше не хватаясь привычно за рукав подруги. Голова ее поникла, морщинистые губы поджались, и старая герцогиня теперь чаще глядела себе под ноги, на холодный гранит и свои кружева, словно была мыслями в прошлом. Искала ли она ответ на вопрос, с какого момента началось предательство Мариэльд, или просто погрузилась в какие-то другие размышления – неизвестно; ее душа была сокрыта самых сокрытых темных пучин.

Амелотта пообещала вернуться, чтобы показать свою память Горрону и доказать преданность клану. Но после ее отъезда в воздухе витало ощущение, будто ее здесь больше не увидят – ее не интересовали ни походы на Ноэль, ни грядущие переговоры, ни перемены совета. Стоило графине Мариэльд исчезнуть из ее жизни, как сама ее жизнь, кажется, потеряла всякий смысл.

– Мари не предавала... – утверждала растерянна она. – Не предавали и мы. Мари – жертва велисиала...

Как порой всего-навсего один вытасченный из основания крепости камень может порушить эту крепость, так и совет после предательства одного его участника стал погружаться в тягостную апатию. Следом за Амелоттой исчезли из замка те, кто не мог по каким-то причинам участвовать в походе в Ноэль. Исчезли и некоторые старики, чувствующие себя неуютно в стенах этого похожего на человеческие жилища замка. Они вернулись к себе в леса и уже более не являлись сюда, понимая, что этот мир не для них. Легла спать в свои ледяные пещерные покои под замком Пайтрис. Причем сделала она это вопреки тому, что ее супругу как никогда нужна была поддержка. Ее молчаливый протест против этой жизни уже был явен каждому. Притаилась в своей комнате и прекрасная Аска, но уже от другого чувства – чувства тягостного понимания того, что в совете происходит нечто дурное, болезненное.

И хотя Летэ продолжал гневно настаивать на испитии Гейонеша, события последних месяцев показали – это уже не тот Летэ фон де Форанцисс, каким он был тысячу лет назад. Доверие и уважение к нему подорвалось, поэтому после отбытия герцогини многие последовали ее примеру и на момент переговоров удалились из замка под благовидными предложениями.

* * *

Филипп встретился с бароном поутру, когда цветущий сад был окутан туманом. Теорат Черный вместе со своим вечно-нежным другом Шауни де Бекком собирался обратно домой. Кобыла под ним была резвая, жилистая и все норовила укусить кого-нибудь, но барон успокаивал ее короткими хлопками по шее.

– Хороша! – заметил Филипп, подойдя к сидящему в седле барону. – Но норовиста, будто не кобыла, а жеребцующий конь.

– Она горячекровная, – важно улыбнулся Теорат. Он тоже любил лошадей. – У нее южные песчаные крови, от того и нрав такой.

– Дорого ли обошлась она тебе?

– Дешевле, чем обошлась бы век назад, – усмехнулся Теорат. – Юг наступает, и летардийские аристократы теперь предпочитают горячекровных южных лошадей, нежели солровских северных. А через век, боюсь, даже в твоём Солраге конники будут требовать под седло именно южную.

Филипп тоже усмехнулся, понимая намеки.

Проводив товарища до ворот, он поглядел ему вслед и вернулся в замок. Многие в тот день засобирались в дорогу – и от ворот то и дело отъезжали всадники. А под ночь началась подготовка к выступлению на Ноэль, чтобы захватить его раньше южан. Прыткие гонцы покинули Молчаливый замок и поскакали во все стороны, в подвластные семье Форанциссов города. Через две недели, созвав войска, от Йефасы должны будут выступить порядка четырех тысяч пеших и четырехста конных воинов. Они двинутся под черно-красными знаменами Йефасского графства к далекому морскому Ноэлю, а поведут их два помещика: Джазелон Дару и Тирготт.

Ну а Филипп продолжил свою роль стража, не засыпая ни на миг, ожидая подлого нападения. Рука его постоянно покоилась у груди, а сам он вслушивался в каждые шорохи замка. Более всего он ожидал удар именно здесь – где его невольно окружали слуги и старейшины. Но ночи пока были спокойны.

* * *

В Малой гостиной перед потухшим огромным камином сидел Ольстер Орхейс, прозванный Рыжебородым за свои огненно-рыжие космы.

– Опасная это затея – так далеко вторгаться в южные земли, – говорил он. – Ох, заманчивая, но опасная... Имел я тесные отношения с южанами. Они все, в общем-то, живущие вдоль залива – уже южане. Подлый это народец, хитрый. Знают и про нашу неприкосновен-

ность магии, и как вытащить из нас душонку... Да я, Барден, рассказывал тебе про местную власть Бофраита и то, как они объявили на меня охоту...

– Но Ноэль забрать надо! – мотнул большой головой ярл Барден. – Мы не должны позволять лишать себя чести!

– Эх-эх-эх, вот только у северян и южан честь разная, – тихо заметил Ольстер.

Они оба: и Ольстер и Барден, – говорили гулко. Голоса у них были низкие, и даже шепот прокатывался по коридорам эхом, будто рокочущий гром. Вслушавшись, как разносятся по башне его слова, Ольстер Рыжебородый качнул широкими плечами и уселся поудобнее в тесном для него кресле. Кресло тут же досадно скрипнуло – не рассчитано оно было на медвежьи тела филонеллонцев.

– Вот и объясним им, что такое настоящая честь! – прогремел ярл Барден, и его слова унеслись вслед за словами Ольстера по коридорам, залетая в каждую комнату и окно. – А ты мне подсобишь! Завтра поедем с тобой в Брасо-Дэнто, а оттуда и на Аммовскую переправу, объясним этому недоноску, кто такие филонеллонские владыки!

– Тот демон умеет воевать.

– Умеет. Будет пробовать нас в дерьмо окунуть! Не нравится мне эта чертовщина. Лучше бы спал... Разве не предупреждал я Филиппа? Но коль так, надо выручать, ему и так дурно, я бы такой груз на душу не рискнул взять. Так что не дадимся. А там и Ноэль заберем! Эти двое, Джазелон Дарру и Тиргот – они молодые, Ольстер... Эти новый мир знают. Должны справиться с южными чертями!

– Справятся ли, – Ольстер погладил свою пышную бороду. – Да даже если справятся, то окажутся в капкане.

– В каком капкане?

– Среди южан.

В Малую гостиную вошел Филипп.

За ним следовал по пятам безликий слуга, которого послали сообщить графу, что того ждут. Поприветствовав всех, Филипп присел в кресло и привычно огляделся и вслушался. Взор у него был холоден, но в нем чувствовалась и изнуряющая усталость, и напряженность. Его сухая рука пригладила котарди в области сердца, где таилась бесценная карта.

Уже как с несколько часов погас огромный камин. Иногда из остывающей золы вырывался сноп искр, и бледные, будто мертвые лица высвечивались им, как бы проявляясь на миг из темноты. Затем, после вспышки, зал снова погружался в черноту. Ольстер грузно поднялся и разворошил кочергой тлеющую золу. В камине снова фонтаном рассыпались искры. От этого помещик радостно и шумно вздохнул, потому что тепло любил всей душой. Однако стоило ему опуститься в кресло, как угли тут же погасли – и комната снова наполнилась мраком.

После недолгого молчания ярл Барден, с неудовольствием обозрев своего родственника и его странные пристрастия к солнцу, обратился к пришедшему:

– Мы позвали тебя, Филипп, чтобы ты выслушал их...

И он показал кивком головы на сидящих в углу гостиной, в крошечной тьме, куда не дотягивался благодатный свет от камина, двух теней. Винефред и Сигберт... Доселе они никого будто и не замечали, но тут подняли головы. Воротники их рубаш, выданных им слугами, были растегнуты, рукава подвернуты по самый локоть – этим созданиям претило одно прикосновение одежды к их пожелтевшей коже, иссушенной годами и ветрами. Поэтому они скинули даже обувь и теперь сидели, скрючив пальцы и пытаясь вобрать от каменного пола полюбившийся им холод.

– Я вас слушаю, сир'ес, – и Филипп едва склонил голову, выказывая уважение к древнейшим, перешагнувшим тысячелетний возраст.

– Мы видели... хр-р-р... их... Там... хр-р-р... Вода... Их все больше... – прохрипел Винефред, и его язык виднелся сквозь иссушенные щеки.

– Они живут у рычащей воды, – продолжил за него второй, Сигберт. Он еще сохранил навык речи, потому что был моложе на несколько столетий. – Раньше их было меньше. Они сжирали детенышей. Каждого. До единого. Обгладывали до костей. Хр-р-р. Кости вышвыривали. На дне их Долины – кости их детей, тысяч и тысяч. А сейчас они детенышей воспитывают. Растят, кормят. Их стая увеличивается.

Филипп кивнул, понимая, что речь идет о старших вервульфах.

– Много их уже? – спросил он.

– Больше... Х-р-р-р... Много, – пробурчал Винефред.

– Так много, что часть ушла. Двинулись на север. Через горы, – снова продолжил за него Сигберт. – Мы шли рядом с ними. Скрывались. Их больше полусотни. Полусотни старших оборотней. Я не знаю, как они кличут себя. У них странный язык, свой язык. Волчий. Не Хор'Аф. Нам пришлось уйти. Вернуться на тропу у Острого камня. Мы шли в Перепутные земли...

– И они идут туда же? В мои земли?

– Возможно, – ответил Сигберт. – Наше дело – предупредить.

– Там только молодняк?

Старик Сигберт кивнул.

– Выходит, они ищут новые охотничьи угодья, – понял Филипп. – Если они стали наращивать поголовье, то им рано или поздно начнет не хватать разбросанных по горам человеческих поселений, как и горной живности.

– Да... – согласился Сигберт. – Они несут на руках детей. Только что рожденных. А рядом с ними бегут. Уже подростки. Несут скarb.

– Ясно, – задумчиво ответил граф. – Если они не остановятся посреди гор, решив жить, как их предки, а пойдут дальше, преодолееут большое расстояние и спустятся... то обнаружат город Далмон... Это действительно будет проблема посерьезнее обычных оборотней, особенно, если учесть, что эти воспринимают людей исключительно, как врагов и корм.

Винефред и Сигберт одновременно кивнули. Потом они тут же неуклюже поднялись из своих кресел и молча покинули Малую Гостиную, ковыляя в темноте, будто звери. Они сказали все, что хотели... Вслушиваясь в отзвук их едва слышных скребущих шагов, пока он, наконец, не исчез, ярл Баден качнул почти седой головой, перехваченной серебряным обручем. Он произнес:

– Завтра они вернутся в наш родной край, Филонеллон.

– И здесь больше не появятся. Говорят, человеческий мир их утомил. Филипп, помнишь наш разговор у ясеновой рощи в Бофраите? – усмехнулся Ольстер.

– Конечно, – отозвался граф.

– Знаешь, мне начинает казаться, что это не мы устали, а весь мир будто бы устал. И теперь он напоминает старейшину, готового отдать дар следующему поколению. И мы уходим во тьму вместе с ним, как его рука или нога, как неотъемлемая его часть... А на смену придут они – другие детища. Сигберт с Винефредом рассказывали, как встретились с одним их охотником, загоняющим круторого барана по скалам: молодым, злым. Увидев их, он с воем кинулся в бой. У него и мысли не было заговорить с ними. Бежал сначала на четырех лапах, как зверь, прыгая по камням, но припадении встал на две. Он убил Сигберта одним ударом и сильно ранил Винефреда, но тот успел вырвать ему сердце. Одним ударом, ты понимаешь? Черт побери, одним ударом! А если бы охотников было двое или трое? Сидели бы тут Сигберт с Винефредом?

Филипп молчал, раздумывая. Он понимал, что это значит. Если старшие оборотни спустятся с гор, их не остановит никто, потому что на место одному убитому охотнику родятся трое новых. Солраг ждали тяжелые годы.

– Но знаешь, чего нам стоит бояться больше всего? – продолжил рыжий Ольстер. – Нет, не этих плодящихся, как шавок, оборотней. И даже не велисиалов.

– Чего же, друг мой?

– Винефред и Сигберт живут с нами бок о бок больше тысячи лет. Но мы носа не сеем в горы! А вот эти двое не привязаны ни к земле, ни к людям. Они при необходимости уходят глубоко в Фесзот, где питаются бараньей кровью, отчего так дрянно и выглядят. Они мертвецы, Филипп, но мертвецы, повидавшие то, что человеку, да даже нам, и не снилось!.. Пока тебя не было тут, они говорили о том, что видели; как небеса грохотали, а молнии били на их глазах во время бури в одно и то же место сотни раз, били в скалу, оплаывая ее и будто пытаясь до чего-то добраться. Они видели, как скалы шевелились, Филипп! Горы были! Пещеры стонали нечеловеческими голосами. Черт возьми, Фесзотовские горы – как далеко они простираются? Да они же по размеру должно быть даже больше, чем все наши северные королевства! А что там может быть скрыто? Что там таится, созданное руками велисиалов? Чего мы не знаем? Чего нам и надо бояться, так это того, что у нас на спине – призраков прошлого... – закончил тревожно Ольстер.

После этих слов Барден Тихий только устало вздохнул. Он тяжело поднялся из кресла и махнул рукой, мол, надоело ему это все:

– Пойду я. Пора отправляться в Солраг, а там и на Аммовскую переправу, угомонить этого выродка!

– Не позволяйте в пылу боя увлечь себя вниз, с Аммовской переправы, – холодно заметил граф.

– Кто я тебе? Горячий от одного вида девки малец? Я – владыка Филонелонна! – пробасил ярл.

– Знаю, что вы – Владыка Филонеллона. Знаю и то, что ваши филонеллонцы зачастую отступают не назад, а вперед, в гущу врага, – ответил с дружеской улыбкой Филипп. – Потому и напоминаю!

Ярл ухмыльнулся в свою седо-рыжую бороду. Затем похлопал своего товарища, с которым не раз вместе воевал, по плечу, выражая ему пожелания удачи, и ушел из Малой гостиной. Когда в зале перед потухшим камином остались двое, Филипп и Ольстер, то последний, пользуясь отсутствием своего родственника, уже от души разворошил золу. Искры снова полетели снопом, осветили каменные стены, весело затрещали и легли тенью на лица – и помещик вздохнул, вбирая последнее тепло всем своим естеством.

– Прошлое... – проворчал он печально. – Рано или поздно прошлое настигнет нас. А может так и надо, чтобы оно настигло нас и смело, иначе будущее не наступит?

И он вернулся назад к резному креслу, с трудом втиснул себя между подлокотниками и устался на остывающий камин. Филипп ничего не ответил, понимая, что вся речь Ольстера была обращена скорее вовнутрь его самого; он тоже стал глядеть на то, как затухают угольки и чернота обволакивает всю комнату и ее обитателей.

Глава 4. Переговоры

Путник прибыл к замку на закате, когда в Йефасе вовсю проходили гуляния по случаю весеннего праздника. Одет он был по-летардийски: в шерстяной табард, широкополую шляпу, украшенную желтым пером, и выкрашенный в такой же желтый цвет плащ. Однако сомнительно, что это был тот самый аристократ, который выехал из Афше, дабы погулять в веселящейся Глеофии и поглядеть на ее пышный королевский двор. Вряд ли были просты и двое спутников, едущих на полкорпуса позади него и выглядящих пусть не так пестро, но вполне достойно. Неизвестно куда делась и вся прочая свита, изначально сопровождавшая этого разгульного молодого повесу от его земель.

И вот этот аристократ подъехал под окаймляющие Молчаливый замок стены. Затем оглянулся на спутников; глаза у них были ледяными, ничего не выражающими. Замковую стражу предупредили, поэтому ворота тут же распахнулись. Гости миновали зеленеющий парк, затем покинули у донжона свои седла и передали поводья конюхам. Никто не предложил им ни освежиться, ни отдохнуть. Слуги вместе с подоспевшим управителем лишь глядели на них со страхом и ненавистью одновременно – они знали, что перед ними находится причина злосчастий их хозяина.

– Назовите причину вашего прибытия, – спросил Жедрусек.

– Переговоры. Ведите! – возвестил неприятным голосом гость.

Его и двух его молчаливых спутников повели по полным мрака коридорам. Однако повели их не в подземелья под замком, ибо то место было священо, предназначено исключительно для вампиров, а в зал, где в резном кресле, будто на троне, сидел один-единственный Летэ. Это было помещение с высокими потолками и окаймляющими стены колоннами. Колонны укрывали красно-черные гобелены, и такими же гобеленами были завешены все окна, отчего старый холод пронизывал здесь все, стелился сквозняком по ногам.

Аристократ снял шляпу с желтым пером. Он положил ее на один из столов и в деловой манере высказал приветствие. Голос у него был странным – вынужденно сухим, будто старый его владелец любить и петь, и веселиться, а нынешний сделал все, чтобы этого не заметили. Летэ остался недвижим, холоден, не удостоив своего гостя даже кивком головы – его руки величаво лежали, будто примерзши, на вырезанных из дуба подлокотниках. После недолгого молчания аристократ оперся поясницей о стол, сложил руки на груди – он встал сбоку и спереди от трона. Подле него замерли два его помощника.

– Я слушаю, – произнес гость.

– Кто ты? Мне необходимо удостовериться, что передо мной стоит не подручник, а его хозяин, – высокомерно заявил Летэ, не поворачивая головы.

– А обычный человек нашел бы силы сюда войти?

Летэ продолжал в ожидании молчать. Поэтому аристократу осталось лишь презрительно усмехнуться, ибо его заставляли сделаться шутлом-потешником, демонстрирующим свои способности кувиркаться, дабы доказать королю, что он – самый настоящий шут.

– Я – Гар’тромехор! – сказал он удивительно-чистым голосом, растеряв прежнюю сухость. – Дитя первичной матери, пятый джин в поверьях мастрийцев, высший демон, кровавый Гарозул, ставший Праотцом Гааром, Граго, а также еще сотни имен, о которых тебе ничего не известно. И это не я стою перед тобой, а ты – передо мной, своим отцом!

– Отцом? – Летэ небрежно рассмеялся.

– Я представился, как ты того просил. Теперь к делу – время не ждет!

– Время всегда подождет. Здесь, в стенах моего замка, время над нами не властно... Этот замок выстоял все эпохи и выстоит впредь. И для нас сей обмен – лишь мимолетный миг в

нашей бесконечно долгой жизни. А вот все твои имена – пустой звук, который действительно для нас ничего не значит, ибо мы стоим выше всех человеческих божеств...

– Еще раз спрашиваю. Что вам нужно? Я пришел сюда не для пустых прений, а для обмена! Назовите условия, чтобы я получил взамен карту.

Щеки Летэ подобрались, и он торжественным голосом произнес:

– Теух. Я желаю получить все, что с ними связано.

– Я не знаю, где находится Теух.

– Узнай.

– Я похож на мальчика на побегушках? – заметил в неудовольствии гость. – Теух разбросаны по всему южному континенту, жалкие остатки тех, кто уже не решает в этом мире ничего. Я не смогу их обнаружить – и не собираюсь. Не списывайте свою немощность на меня. Я не буду решать ваши застарелые проблемы, добывая сведения о ныне сгинутым клане. Если вы хотите вернуть два ваших бессмертия...

– ... не два, – прервал его Летэ вскидыванием ладони. – Из полусотни наших старейшин пропала добрая половина – явно вашими трудами. Верни мне дары всех тех, кто исчез из моего клана. А когда я говорил о Теух, я говорил не про сведения о них, а о них самих. Добудь мне также всех представителей южных Теух и доставь сюда. Тебе понятны мои требования?

Аристократ напряженно замер. Нельзя было сказать, что столь абсурдное требование удивило его. Скорее всего, он предполагал, что и такой вариант событий возможен, однако некое промедление было заметно и в его движениях, и в движениях его спутников.

– Это слишком много, – наконец, сказал он.

– Я огласил тебе условия. Выполняй их.

– Это не условия – это безумие!

– Тогда обмена не будет. Что есть для нас сей обмен? Лишь мимолетный миг в нашей долгой истории.

И Летэ с лицом, как у мраморной статуи, откинулся на бархатную подушечку кресла. Его обвитые перстнями пальцы обняли подлокотники, а взгляд устремился куда-то вдаль и одновременно в никуда – как у величественных божеств.

На лице Гаара, однако, промелькнуло отвращение.

– Даже в теории невозможно свершить то, что ты просишь.

– Разве не ты ли Гар'тромехор, дитя первичной матери, джин, высший демон, Гарозул и еще сотни ничего не говорящих имен? Разве не сижу я перед своим всемогущим отцом? – рассмеялся глухо Летэ. – Еще раз повторяю... Мне нужны Генри, Юлиан, все пропавшие дары из нашего клана, а также все старейшины из Теух, которые бежали после падения клана в 1213 году. Я знаю, они еще живы – их бежало больше тридцати.

– Это было тысячу лет назад, и большая часть бессмертных за этот срок безвозвратно сгинула. Это должно быть ясно даже тебе.

– Я не собираюсь торговаться.

– А я не смогу представить тебе то, что ты хочешь! Ты думаешь, старый маразматик, что время на твоей стороне? О нет, время полностью на нашей стороне. И каждый миг твоего упрямства приближает твою смерть, как и смерть твоего клана. Если я не получу сестру до зимы, то вы потеряете последнее, что имеете...

– ... тогда поторопись, – снова перебили его.

Гаар промолчал. Затем он вдруг развернулся и быстро вышел прочь вместе со своими немymi спутниками, схватив перед этим свою прекрасную шляпу с желтым пером. Неприятно хлопнула дверь зала, предупреждая. А когда все стихло, то дубовая дверь зала, где все также величественно продолжал сидеть Летэ, открылась. Внутрь зашел граф Тастемара, одетый в свое бессмертное зеленое котарди и плащ, скрепленный фибулой в виде ворона из серебра. Он посмотрел на главу совета, на его словно высеченное из камня лицо, и заметил:

– Сир'ес...

– Ничего не говори, Филипп, – важно перебил его глава. – Ничего не говори. Я в долгу у тебя. Я позволил тебе стать стражем карты, и жизнь Юлиана, о котором ты печешься, важна. Но жизнь клана – важнее.

– Они и в правду могут быть не всеильны. Если раньше они вырывали горы из недр земли, то нынче не смогли даже вырвать дух из моего тела.

– Тогда это их проблемы. Когда все пройдет, как должно, мы получим Юлиана. А вместе с ним получим и старых, и новых старейшин, и окончательно сотрем клан Теух, оставив его лишь в нашей памяти. И тогда клан Сир'Ес сможет восстановить все утерянные земли и приобрести другие, расплатившись за них «дарами» и клятвами верности. Север будет наш. Снова целиком наш, как и положено. Мы вернем славные добрые времена, Филипп!

Тому осталось лишь склонить седую голову, покорившись сюзерену. Единственное, на что теперь оставалась надежда – это появление того, кто смог бы переломить старика Летэ и заставить его поумерить свои желания. Филипп ждал Горрона де Донталя, который бы помог провести переговоры, как должно. Ну а пока переговоры отложились до лучших времен, и в замке снова воцарилось гнетущее ожидание.

* * *

«Дочь моя. Ни в какой век жизнь не была спокойной. Пока в наших отчих землях, Солраге, царил мир, в других землях в эти дни лилась реками кровь. Когда же наш Солраг вступал в борьбу с захватчиками, дабы сохранить свою целостность, то в других землях мог временно наступить мир.

Детство твое, Йева, в нашем родовом замке Брасо-Дэнто никогда не было омрачено тяготами войны. Тебе не довелось видеть ни толпы повешенных на Вороньей площади, не довелось слышать скорбные плачи по погибшим от матерей, жен, сестер и дочерей. Ты не была подвержена печали войн и цвела, как роза, в таком же тихом и благоухающем саду. Однако все в этом мире проходящее. Так и сейчас мир в нашем доме пошатнулся. По большей части это заслуга твоего упрямого отца, который осознает свое упрямство, но не видит иного выхода, кроме как следовать по пути справедливости.

Дочь моя, скрывать не буду, нам грозят трудные времена. Коль ты думаешь, что твое укрытие в лесах Офурта – это и есть трудности, то я тебя разуверю – это лишь подготовка к ним. Поэтому я не желаю более читать от тебя писем, в которых ты молишь меня позволить тебе вернуться в Брасо-Дэнто. Не расстраивай меня снова своим непослушанием. Слушай отца своего, и тогда, быть может, если обмен пленниками случится ровно и без проблем, мы еще встретимся, уже втроем...»

Филипп писал это уже во второй раз. Его первое письмо, строго официальное, напоминало скорее не обращение отца, а сухой приказ военачальника и дальше скрываться в тайном месте. Но, засомневавшись, граф решил переписать все более сердечно. Его не покидала смутная тревога, что завтрашний день может принести много горестей. Увидит ли он еще свою маленькую Йеву? Жив ли этот недокормыш Ройс? Судя по донесениям, в Офурте всю эту зиму буйствовала страшная болезнь, унесшая жизни тысяч детей. Уж не с этим ли связано настойчивое желание дочери вернуться в отчий дом?

Вздыхнув с надеждой, он скрепил письмо своей родовой печатью. Затем дождался, пока она высохнет, и скатал его в трубочку, подзвав к себе гонца. Гонец должен будет доставить письмо не в поселения, и даже не в замок. Он должен будет доставить его в сосновый темный лес, на прогалину, где письмо подберут вурдалаки и отнесут к хозяйке. Этот способ сообщения должен быть весьма безопасным, ибо людям уже веры нет, а над зверьями велисиалы имеют весьма посредственную власть.

* * *

В этот душный и тяжелый день, когда лето вступило в свои права, Филипп сидел в кресле и читал послание, что прибыло к нему с гонцом из Йефасы. Лука Мальгерб докладывал:

«Милорд. Мы до сих пор пребываем в трех постоянных дворах Йефасы, в Восточной части города. Никаких проблем не имеем. Дисциплина твердая. О конях заботятся сносно. Но пытались давать плесневелый овес. До нас дошли слухи – у стен нашего Отчего дома стоит вражеское войско. Не необходимо ли нам (тут текст был подпорчен чернилами, ибо Лука не знал, как деликатнее спросить, и долго думал, пока с пера не капнуло) озаботиться этими слухами?»

Слушая шум щелкающих в саду ножниц, будто они щелкали у самого его уха, Филипп взялся за гусиное перо и, нахмурившись, написал краткий ответ:

«Нет. Ждите приказа».

Вместе с письмом в руке он поднялся, чтобы отнести его местному гонцу, когда услышал, как скрипнули замковые ворота. Тогда граф подошел к окну, отодвинул тяжелую гардину. В гостевую спальню, полную мрака, ворвался слепящий луч солнца, и Филипп прищурился.

На просторы сада въезжал путник на хрипящей и роняющей пену пегой лошади. Стоило ему снять капюшон, как в этой вечно-вежливой улыбке сразу же распозналсся Горрон де Дон-таль. Он отдал поводья, отряхнул плащ и вошел внутрь быстрым шагом. Когда Филипп спустился из своих покоев в холл, приехавшего гостя уже окружила толпа слуг.

Горрон поглядел поверх их склоненных в почтении голов и поднял руку в приветствии:

– Душа моя была уверена, что первым в этом замке мертвецов я встречу именно тебя, Филипп!

Два старейшины тепло обнялись. Горрон скинул дорожный легкий плащ, уже посеревший от долгой скачки. Волосы его были по-южному коротки, но вот подбородок, обычно гладко выбритый, сейчас порос густой смоляной щетиной. Сощурившись, герцог заметил:

– Вижу в твоих глазах вопрос. Однако погоди! Все слишком сложно, дабы раскрывать все с порога. Сперва я покажусь нашему глубокоуважаемому главе. Сам понимаешь, он ждет от меня ответов. Те дали, куда я забрался, этот дальний жаркий юг – он будто заглушал его голос. Мы так и не поговорили нормально. А позже я загонял коня до пены, чтобы успеть сюда как можно скорее.

И Горрон поспешил скрыться в направлении левой башни, где жила семья Форанциссов, пока не пропал за углом. Филипп остался глядеть ему в след, еще чувствуя витающий в воздухе запах соленой воды и дерева корабельной обшивки, будто герцог не сменял одежды после того, как сошел с трапа. Впрочем, этот запах скоро истончился, а граф вернулся в свои покои.

Уже когда молодой месяц висел над замком, Филипп тихо, но настойчиво постучал в гостевые покои. Не успел слуга-сиделка приблизиться к двери, дабы открыть ее, как из глубин спальни послышалось тихое одобрение – и граф вошел внутрь. Он обнаружил герцога лежащим в постели на боку лицом к стене, укрытым одеялом и дрожащим от бессилия. Его руки, а также глотка были перевязаны, а на полу валялась груда старых бинтов, потемневших от крови. Резким взмахом руки Филипп отослал прислугу прочь. Впрочем, чуть погодя он прислушался, усмехнулся и приоткрыл створку двери – застывшие около угла тени всколыхнулись от страха, чтобы уже окончательно раствориться в черноте замка.

Теперь они точно остались одни.

– Как себя чувствуете? – спросил граф, присаживаясь на край кровати.

Герцогу с трудом удалось перевернуться на другой бок, чтобы посмотреть на вошедшего. Лицо его застилал туман усталости, кожа была бледной от малокровия, но глаза продолжали гореть лихорадочным синим огнем, как у всякого, кто даже в моменты бессилия своего тела продолжает путешествовать по чертогам своей памяти, не приемля для ума отдыха.

– Это можно было бы назвать сносно, если бы это не было так отвратительно... – и он поморщился.

– Что за проблема возникла с Гейонешем? Слуги шептались, будто вам пришлось испытать его три раза.

– Не три, а четыре!

Горрон вымученно улыбнулся, попытался лечь на спину, но сразу сдался, чувствуя, что на боку ему и удобнее, и не так болит.

– Скажем так... – продолжил он. – Когда ты мнемоник и в твоей голове тысячи и тысячи воспоминаний... Тогда испытание Гейонеша, чтобы показать кому-либо свою память – это, в общем, не лучшая затея. Особенно для того, кто хочет увидеть эти воспоминания и вычленив из них воспоминания владельца. Это сродни ловле вечно ускользающей блестящей рыбешки среди тысяч таких же, запутавшихся в одних сетях.

– Как я понимаю, у сир'ес это не вышло?

– Да. Вот, погляди! – и Горрон болезненно ослабил, выгнув шею, которую будто порвал голодный пес. – Потратил весь день, начав с рук и закончив глоткой... Думает продолжить завтра. Таких «завтра» ему потребуется еще с тысячу и тысячу – по дню на каждую обрванную мной жизнь. Но он хотя бы убедился, что я – это я, иначе я бы оттуда совсем не вышел.

Граф Тастемара кивнул. Если герцог отдыхает здесь, в отдельной спальне, да к тому же имеет посланных к нему сиделок, то это значит, что в неподменности приехавшего действительно убедились.

– Вы в силах рассказать, что узнали? Он жив? Вы его нашли?

– Ты всегда постоянен, Филипп, и всегда о делах. Да, я нашел Уильяма. Он добрался-таки до Элегиара, – улыбнулся печально герцог.

– Давно?

– Весьма, еще в 2150 году. За эти годы он успел побыть и веномансером во дворце, и храмовым Вестником, и даже под попечительством влиятельных придворных особ, и был одарен лаской важных дам.

– Что за Вестник? – спросил Филипп.

– Это почетный титул для вампира, участвующего в религиозных церемониях, посвященных нашему общему знакомому Гаару. Там Гаара почитают, как божество долголетия и здоровья, поэтому ежегодно приносят ему жертвы.

– И зачем он участвовал в этой церемонии? – граф нахмурил брови.

– Сложно сказать... Мне кажется, он старался жить на чужбине обычной жизнью, как старается жить всякий, кто настойчиво избегает своего прошлого.

– Вы говорили с ним?

– Довелось. Я успел к нему раньше, чем велисиалы. Мы с ним встретились в саду дворца Элегиара. Туда он вышел прогуляться во время пира. Он не желал идти со мной, не верил ни моим словам, ни моим попыткам убедить его, – выдержав паузу, чтобы набраться сил, герцог продолжил. – Мариэльд в свое время хорошо успела обратить его против тебя и против меня, как посланца твоей воли...

– Как он мог отказаться уйти? – не поверил Филипп.

– Не гляди на меня так. Я не вру.

– Поклянись, друг мой, что все было именно так.

– Клянусь, – спокойно произнес Горрон. – Клянусь тебе, что виделся с ним. Клянусь, что пытался убедить его вернуться к тебе, чтобы спасти его жизнь от нависших над ним туч. Но он отказался, и мне пришлось ненадолго оставить его.

– Почему так вышло?

– Потому что эта ночь, в которую я с ним встретился, в истории Элегиара будет зваться, как ночь Пламени или еще как-нибудь в таком поэтическом духе. Пока мы разговаривали, изменники с помощью пиромантии едва не сожгли дворец. А потому мы расстались. Он побежал внутрь. Да-да, Филипп, это же наш рыбак Уильям... Ему что с моста в реку, что в огнен-

ное жерло – все одно! Скажи после этого, что они с Гиффардом не похожи, да? Помнишь, как смяло беднягу Гиффарда, когда он помчался спасать тебя в гущу боя, думая, что тебе угрожает опасность? Ну а дальше за Уильямом пришли, потому что я не знаю, куда он делся после наступления рассвета. Не гляди так... – Горрон тяжело вздохнул, увидев острый взгляд родственника. – Клянусь тебе, что он исчез после рассвета. Наша встреча была очень коротка!

Большого граф о Уильяме не узнал. Он до полуночи просидел у своего близкого родственника, поведав ему про свое расследование после пропажи герцога, а также про заточение Мариэльд в горах. В свою очередь герцог принялся с трудом, но рассказывать и про задержку в тюрьме, и про то, как далеко он продвинулся на юг в поисках вражеских Теух. Он поведал, что дошел практически до одного из Великих городов – Нор'Алтела, лежащего в красном ущелье, но не нашел ни единого намека на возрождение кланов старейшин.

– Они разобщены, – говорил устало герцог. – Летэ полагал... что на той стороне залива против него веками зрел заговор от Теух... Он думал, что они вновь стали едины и сильны... Искал следы их деятельности... Но Юг не даст старейшинам поднять головы. Поэтому им по одиночке безопаснее. Ведь стоит лишь одному раскрыться – как ненасытные южные златожорцы, у которых есть маги, доберутся и до остальных...

– Надеюсь, он вас послушает. Я видел его, Горрон, в зале после переговоров. Он верит, что его старый враг еще жив.

– Да-да... Тяжко будет, но постараюсь ему объяснить. Если глядеть назад, а не вперед, то нам не избежать войны сначала в Солраге, а когда мы лишимся его, то велисиал дойдет с войском и сюда, осадив стены этого замка. Но все это завтра... Война начнется завтра: и с Летэ, и с велисиалами. А пока что я хочу хорошо, по-человечески, выспаться, чтобы набраться сил...

Оставив своего родственника отдыхать после череды Гейонешей, Филипп покинул покои и вернулся в свои. Там он предался размышлениям, пока над замком бледнел серпом месяц. Замок был на удивление тих, спокоен; пока пальцы привычно поглаживали лежащий у сердца промасленный лист бумаги, граф думал о причинах, по которым Уильям мог отказаться возвращаться на север. Получается, что его родившаяся тридцать лет назад ненависть продолжала зреть и зреть, пока окончательно не закалилась?

* * *

Незадолго до возвращения герцога из южных далей, к Молчаливому замку прибыл человек из Йефасы – обычный ремесленник. Ремесленник казался пьяным, речь его была спутана, похоже, что он сам себе не отдавал отчета в своих действиях. Однако он сообщил, что является звеном, через которое старейшины смогут известить об изменениях сделки. Когда же Горрон вернулся и всем стало известно о малочисленности вражеского клана, обитающего на юге, Летэ послал своего вестника в Йефасу, к этому зачарованному ремесленнику.

Все это значило ровным счетом одно – Летэ осознал абсурдность своих притязаний и готов уступить. Оставалось лишь удивляться способности Горрона решать любой вопрос без кровопролития.

Буквально на следующий день явился все тот же аристократ в широкополой шляпе с желтым пером, хотя и в другом табарде. Он прибыл один, безо всяких помощников – просто выйдя из дубовой рощи. Его сопроводили в прошлый огромный зал с тронem, на котором снова покоился неподвижной статуей Летэ фон де Форанцисс. Переговоры длились долго. И на этот раз в ближайшей комнате притаился уже сам герцог Донताल, которому пришлось ради этого больным покинуть постель. Будь там граф, то текущая беседа между главой совета и прибывшим гостем его бы немало удивила...

– Выходит, в общей сумме к Саммамовке я обязуюсь доставить сюда пятерых бессмертных, в числе которых должны быть Юлиан и Генри. Правильно? – по-деловому спросил аристократ, подытоживая.

Летэ не ответил. Только величественно кивнул, устремив свой такой же величественный взор вдаль. В его глазах гость был лишь приглашенным просителем, но никак не равным, и уж тем более не превосходящим его. На это аристократ только ядовито усмехнулся, прекрасно различая в старейшине его застарелое высокомерие.

– Хорошо, что мы наконец-то пришли к единому мнению, – голос его сделался вкрадчивее. – Коль так, я хочу предложить поменять условия сделки.

– Каким образом?

– Дело в том, что вашими усилиями, когда вы оторвали меня от моих дел, бессмертный паразит внутри Генри... как бы сказать... испортился и начал гнить, – снова ухмыльнулся аристократ. – Из-за того, что вы невовремя меня отвлекли, его дни жизни сочтены. Спустя пять, десять, может быть, двадцать лет, но с большой вероятностью он окончательно умрет.

– Почему? – Летэ впервые взглянул на гостя, удивившись.

– Вас это не касается. Однако я бы помимо Генри хотел оставить у себя и Юлиана. Что насчет того, чтобы вместо них двоих я доставил сюда шесть южных паразитов? По три за каждого? – глаза аристократа насмешливо сверкнули.

Оплывшее лицо главы едва подернулось от того, что бессмертные дары так запросто оскорбили именем паразитов, но он ничего не ответил. Долго он молчал. Взгляд его был хмур, тяжел, а толстые пальцы начали ласкать и крутить рубиновый браслет, единственно выдавая этим действием сомнения. С каждой минутой промедления губы аристократа все шире и шире растягивались в улыбке победителя, будто и не могло быть иначе, будто он знал, что почти любого можно купить, сыграв на слабостях.

Пять бессмертных или девять?

Летэ молчал на троне, застыв статуей. Горрон де Донताल стоял в соседней комнате, все слышал и хмурился, а взгляд его был чрезвычайно серьезен, каким никогда не бывает при посторонних. Аристократ же продолжал улыбаться, сжав тонкие губы, и хитро глядел из-под шляпы с желтым пером, которую он теперь даже не удосужился снять.

– Девять даров... К Саммамовке... – наконец, глухо сказал Летэ.

Переговоры длились еще долго, но обсуждали уже сам процесс передачи обладающих бессмертием тел и карты, чтобы под конец обменяться обещаниями придерживаться данного соглашения. Соглашение подразумевало под собой также заключение мира, если обмен будет успешным. Когда солнце стало клониться к закату, гость сухо попрощался и покинул зал бодрым шагом. Вслед за ним чуть позже, колыхаясь под мантией, неторопливо вышел и сам Летэ. Увидев укрывшегося в тених герцога, который прислонился к стене от усталости, он задержал на нем свой ледяной взор – они оба понимали, что граф Тастемара с заключенным соглашением будет не согласен...

* * *

После отбытия гостя в дверь графа постучали. Вошел слуга, который донес, что хозяин замка требует явиться к нему. Поднявшись, Филипп последовал за молчаливым вампиром. Блеклый свет едва лился сквозь высокие, но узкие коридорные окна, но не оседал вниз. Внизу колыхалась тьма, по которой графа и вели в другое крыло. В дверях покоев он столкнулся с еще одним слугой, выносящим на руках иссушенный труп. Голова юной девушки была запрокинута; рубаху ее жадно разорвали выше живота, оголив вместе с лебединой шеей еще и белоснежную грудь. В глубине темной комнаты, где не лежало ни единого ковра, а все было холодным и пустым, как склеп, сидел на постели Летэ. Он вытирал полными пальцами свои мясистые губы, доводя их до обычной мертвой белизны.

В углу, в кресле, сидела, сложив руки на коленях, Аска. Она не шевелилась и даже будто не дышала; лишь едва повернула голову, когда гость вошел внутрь. Этой бледностью и неподвижностью она походила как на саму комнату, так и на своего мужа и отца. Красота ее оживала красками лишь среди роз и под лучами солнца, да и то ненадолго.

Филипп поклонился им обоим.

– Вы звали, – сказал он.

Летэ поднялся. Но вместо того, чтобы подойти к своему вассалу, он двинулся к неподвижной дочери. Его грузное тело заколыхалось под мантией. Подойдя, он покровительственным жестом вытер своим толстым пальцем губы Аски, где еще виднелись следы крови. Затем взял ее черный локон, лежащий у тонкой шейки, прокатил его между пальцами, и, не отрывая от него взора, произнес:

– Они согласились – у них нет выбора. На этом твоя роль стража карты заканчивается. Ты сделал достаточно.

– Сир'ес, – холодно заметил граф. – Я до совета и на самом совете был назначен вами же хранителем карты до обмена.

– Обмен скоро случится... Очень скоро...

И Летэ неспешно, волоча за собой черное длинное одеяние, прошел от своей дочери обратно до постели и замер напротив Филиппа, уставив на него свой взор. Глаза его, серосиние, казались пустыми, будто высеченными из камня рукой скульптора. Глава медленно вынес вперед руку, требуя карту.

– Демона устраивают новые условия, – произнес он. – И он не станет рушить выстроенные нами договоренности. Не станет и пытаться отнять карту. Так что твое изнуряющее мучение окончено, Филипп, и ты можешь вернуться назад в Брасо-Дэнто. Там ты нужнее...

– Сир'ес. В войне всегда нужно готовиться к худшей подлости со стороны противника, – голос его был преисполнен почтения, но отдавал сталью.

– Отнюдь... У нас стался с демоном уговор, после которого весьма ясно, что его интересует честный обмен. Демону нет нужды рисковать, если он и так получит свое.

Летэ снова едва заметно тряхнул рукой; звякнул его пылающим красным браслет, разрезав звоном мертвую тишину. Филиппу пришлось, повинаясь порыву почтения, склонить свою седую голову, почти касаясь груди подбородком, но он не уступил, лишь положил на сердце руку, как бы предупреждая.

– Я – твой сюзерен, а ты – мой вассал. Не забывай об этом, – возвестил Летэ.

– Я помню об этом, сир'ес, и всегда буду помнить. Помню и о том, что сейчас меня с вами помимо священной клятвы на крови, которую давал мой предок Куррон фон де Тастемара, связывает и ваша священная клятва. Вы дали на собрании клятву, что я буду хранителем и носителем вашего доверия *вплоть до завершения обмена*, – уже с нажимом, однако не явным, повторил граф. – Я же дал клятву, что буду охранять карту. Не стоит сомневаться во мне и в моей чести, потому что наш род славен этим. Если я увижу опасность для того, что мне было вверено, я без промедления пожертвую жизнью, но не отдам карту врагу. Так разве клятвам не должно иметь крепость, сир'ес?..

И он поднял голову, встретился прямым испытывающим взором с Летэ. Летэ молчал. Он понимал, что давал ритуальное обещание, пусть и не на крови, но давал, а его вассал не позволит лишить себя карты даже под угрозой смерти и отречения от совета. Он нахмурился и некоторое время пребывал в погруженном безмолвии, лишь разглядывая Филиппа очень тяжелым, будто прибывающим к земле взглядом, в котором отражались сменяющие друг друга эпохи. Но его взгляд спокойно выдержали. Наконец, вздохнув, глава махнул рукой.

– Хорошо... Иди... Иди, храни карту, как я тебе повелевал.

Филипп покинул эти холодные покои, подходящие скорее для упокоения мертвеца, нежели для жизни и сна. Вслед ему посмотрела вечно юная Аска, едва повернув голову, и ее черные локоны от этого движения соскользнули с плеча и упали на спину. Затем она повернула вспыхнувшее любопытством лицо уже к своему господину, но тот никак не отреагировал – лишь остался стоять, будто мраморная статуя.

* * *

Теперь граф почувствовал уже не нарастающую тревогу, а ясную беду. Привычно коснувшись груди, он направился скорым шагом к Горрону де Донталю.

Вошел он без стука. Махнув, отослал всех присутствующих слуг. Затем снова вслушался в коридор, но прислуга, уже ведающая, что вошедший обладает на редкость чутким слухом, благоразумно удалилась. Граф нашел герцога лежащим в постели и сложившим руки на груди. Тот отдыхал, пытаясь восстановить силы как можно скорее, ибо предчувствовал, что его пытка Гейонешем может стать не последней.

Филипп присел на край кровати.

– Говорить можете? – спросил он жестким голосом.

– Смогу... – произнес Горрон.

– Скоро произойдет обмен с новыми условиями, которые мне неизвестны. Наш глава пытался забрать у меня карту под явно обманным предлогом, – и тут голос его стал глуше. – Вам должно знать, какова суть новооговоренных условий.

Горрон молчал. Он оглядывал своего родственника, его напряженную позу, и в глазах его отразилась грусть, которую собеседник тут же распознал. После затянувшейся тишины он вздохнул и сказал:

– Знаешь, Филипп, веками я хранил свой Крелиос, цепляясь за него, как за единственно-верное, что держит меня в этой жизни. Я цеплялся за него, когда погиб Куррон, хотя и покинул к тому моменту трон, но не смог уйти. Я продолжал цепляться, когда Куррона сменил следующий потомок. Меня мало что заботило, кроме моего дела, и я верил, что, рухну оно – и я сгину следом. Я платил чрезвычайно высокую цену за то, чтобы сохранить его, и год от года и цена, и мое душевное напряжение росли. Но в конце концов, все равно все рухнуло. Вот скажи, Филипп... скажи мне честно, как единственному твоему родственнику. Ты проделал большой путь... Ты восстановил свою честь в глазах совета и, хоть и не предупредил обман, но сделал то, что не под силу кому-либо из нас или даже мне. А сейчас у твоего сердца лежит то, что медленно иссушает тебя и грозит уничтожить душевно. Но если так станет, что все твои жертвы и старания были зря? Что, если ты не достигнешь главного?

Граф все понял.

– Он... Он мертв? Или его выменяли?

– Выменяли, предложив за него трех старейшин.

Хотя Филипп и достойно выдержал этот удар, но от герцога не укрылась, что это далось ему нелегко. Филипп некоторое время сидел, пока не потянулся к сердцу, достал из-под отворота, который специально подшили ему под котарди, сложенную в несколько раз промасленную карту. Затем посмотрел на нее странно-отрешенным взглядом, будто увидев впервые, и принялся поглаживать ее, разравнивая погнутые края сухими пальцами. Горрон наблюдал за ним из постели, и с его лица сползла вечная улыбка, поддавшись гнетущей обстановке в спальне.

– Тогда... Сир'рес дождется окончания обмена, пока не свершится его клятва... и принудит меня уже священной клятвой на крови передать карту велисиалу... У меня не останется выбора... – граф говорил спокойно, но голос его едва осип.

– Да. И Уильям достанется им. Ты проиграл, Филипп.

– Что же... – сказал скорее сам себе граф. – Рано или поздно любой полководец, сколь бы отважен и умел он ни был, сколько бы боев он ни выстоял против вражеского меча или топора, терпит поражение от застарелого лицемерия и продажной чести. Я знал, что проиграю и ждал от врага любой подлости... но даже мысли у меня не было, что ранее непоколебимое будет так легко продано... Или я просто не хотел в это верить?

В покоях стало слишком тихо. Еще некоторое время Филипп молчал, только продолжал заученно гладить обожженный уголок карты, уронив голову на грудь, пока, наконец, не произнес неожиданно спокойным, можно сказать, что мертвым голосом, в котором вдруг иссякли все чувства, делающие его живым:

– Я поставил на кон все, что имел, не в силах отступить.

– Они тоже поставили на кон многое, – ответил Горрон. – Будь уверен! Они должны знать, что ты не пьешь крови, опасаясь отравы, что не смыкаешь глаз все эти месяцы. Они страшатся твоей решительности и упрямства – у них давно не было столь опасного противника. Поэтому может так статься, что они подкупили не только Летэ для уверенности в своей победе.

– Если это случилось, – и граф поднял уставший, но внимательный взгляд на родственника. – То мы проиграли изначально...

– Да, мы проиграли изначально, потому что враг может предложить каждому из нас то, что мы желаем более всего. Летэ они подкупили всего лишь неравноценным обменом, показав ему ответ некогда могущественного клана, в котором было много вампиров. Но ведь у всех нас есть свои мечты, заветные и глубокие, даже у самых преданнейших представителей клана. Кто же откажется от исполнения заветных желаний?

– Только безумец...

Филипп продолжал внимательно смотреть на Горрона.

– Да, только безумец, – улыбнулся тот и шепнул. – Напряги слух. Не притаился ли кто-нибудь в коридорах?

– Никого.

– А на лестнице?

– И там...

– Филипп, ты действительно проиграл и потеряешь все то, что поставил на кон. Враг приложит все усилия, чтобы победить и отомстить, а его могущества достаточно для свершения задуманного – враг сам уверен в этом. Мне жаль, что так вышло, но я хочу помочь тебе, поэтому выслушай меня, что я скажу тебе. А там выбирай и решай, готов ли ты к последствиям... – тихо сказал герцог.

Чуть позже граф поднялся и вышел медленным шагом из комнаты. Спина его была все также негибаема, но потухшие глаза выдавали в нем скорбь. Последующие дни он провел в отрешении, пребывая в своих покоях. Его размышлениям способствовала и эта угнетающая тишина замка, который был и в правду Молчаливым. Слуги здесь ходили неслышно, похожие на тени, бледные, ибо по душе им были вечер и ночь. Изредка графу вспоминался его Брасо-Дэнт. Там на всех этажах, кроме последнего, всегда кипела бурная жизнь. По коридорам вечно туда-сюда сновали шумные слуги, без усталости бегал со своими чертежами и расписками казначей, грохотал обитой железом обувью капитан стражи, шумели портнихи, ходил, семеня, Базил.

Тяжелая вуаль тогда окутывала Филиппа все плотнее и плотнее, и он почти чувствовал, как становятся неподъемными его руки, ноги. Картины прошлого проносились перед ним, начиная от роли пажа для старого графа Тастемара и заканчивая собственными попытками переломить одиночество. Он все чаще думал над тем, какой выбор сделал из предложенных Горроном исходов. И все яснее ему открывалось, что столь несвойственная ему горячность и порывистость были порождены не иначе, как состоянием, которому подвергся перед смертью и его предшественник – Ройс. Все больше в нем крепла уверенность, что к тому, что произойдет, все и шло, а он лишь тешил себя иллюзиями.

* * *

Обмен случился на Саммамовку, день в день. Как только забрезжил рассвет, из дубовой зеленой рощи показалась повозка. Повозка была закрыта темным полотнищем. На облучке сидел человек с холодными глазами, а справа от него ехал тот самый аристократ в шляпе с желтым пером, не сильно отдаваясь. В хвосте был еще один верховой в качестве сопровождения.

Наконец, все въехали в ворота, а через них – ко входу. Два помощника сами и безо всяких разговоров спешили. Они стащили грубый льняник, и он с шумом упал на брусчатку перед

донжоном. Подошли замковые слуги, которые принялись помогать с содержимым повозки: девятью мертвецами, завернутыми в южные расписные одеяла и потому сокрытыми от глаз. Мертвецов взвалили на плечи и медленно понесли по светлым коридорам, ибо ко дню обмена на крюки подвесили зажженные фонари, чтобы указать гостям путь сквозь старый мрак.

Аристократ двинулся следом, не переставая искать глазами хранителя карты.

Филипп же уже направлялся к месту назначения, уронив руку на перевязь с мечом. При переходе в другое крыло он снял с железного крюка горящий фонарь и пошел дальше уже с ним. На его худое старое лицо падал дрожащий свет. Перед дверьми в зал вереница из слуг и гостей встретила с появившимся из другого коридора графом. Филипп и аристократ в шляпе посмотрели друг на друга, как готовые к решающей схватке непримиримые враги, затем вместе вошли внутрь. Там уже торжественно усаживался в резной трон Летэ, поправляя свои широкие рукава, открывающие полные белые руки.

Тела укладывали напротив трона, в ряд. Пока это происходило, Филипп глядел на замочных в одеяла мертвецов, а на него самого пристально глядел Гаар. Точнее, глядел на его руку, лежащую у сердца, где должна быть карта. В зал внесли еще источники света, расставили на столы – чтобы угодить гостям, которые мало что видели.

Аристократ вышел вперед и сказал:

– Девятеро. Девятеро, как было обговорено.

– Я должен убедиться, что все они – старейшины, – глухо ответил глава.

– Снимите! – приказал Гаар своим людям.

Помощники склонились сначала над одним, высвобождая его от спутывающих тело, как кокон, многослойных одеял. Все увидели смуглого красивого юношу, с красным оттенком кожи и длинными, до плеч, кудрями. Он был мертв, а у его губ лежала белая засохшая пена. После приказа один из замковых старших слуг подошел, опустился перед ним на колени и припал к запястью. Затем оторвался и кивнул – кровь принадлежала бессмертному.

– Почему у него нет на теле ран? – спросил Летэ.

– Яд.

– Яды нас не берут...

– Мало вы знаете об этом мире, – усмехнулся аристократ. – Это Белая Роза, сильная передозировка которой вызывает мучительную смерть без видимых повреждений. А большего вам знать не надо! Яда в крови уже нет. Вампир оживет через неделю-две.

Слуги же уже сняли одеяла со второго трупа. Там тоже лежал смуглый мужчина, сильно старый, имеющий полностью посеребренные годами волосы, выющиеся проволокой. Костюм его был чуден, красочен и принадлежал западному эгусовцу, однако ни Летэ, ни Филипп в деталях южных одежд не разбирались. У губ этого мертвеца также лежала белая пена, высохшая и похожая на цветочный рисунок.

– Почему эти такие смуглые? – свел брови на переносице Летэ, пока слуга пробовал кровь второго. – Разве вампиры были рождены из южных племен?

– Нет, – ответил аристократ. – Просто эти отец и сын некогда были людьми. На юге не придерживаются застарелых обычаев передачи бессмертного паразита обязательно вампиру.

Затем последовало третье тело. То был уже типичный среднестатистический атлан в легких штанах и рубашке. На шее у него висела затянутой удавкой, он не мог вдохнуть ни единого глотка воздуха – оттого и лежал, как уснувший, но готовый очнуться от сна в тот же миг, как только смерть ослабит хватку. Следующий за ним, четвертый, снова оказался южанином с потемневшей под солнцем кожей, и губы его также были измазаны некой смертельной Белой Розой.

Филипп напряженно рассматривал еще укутанные тела, стоя в стороне и держа в руке пылающий фонарь. Ненадолго он почувствовал на себе взор, поднял глаза и увидел обращенное к нему бледное лицо аристократа. Аристократ глядел на него из-под шляпы, где качалось

желтое шикарное перо, и победоносно улыбался. Нахмурившись, граф снова вперился в привезенных мертвецов.

Слуги с упоением вкусили крови пятого бессмертного.

Затем перешли к шестому, склонившись...

Седьмой тоже оказался южанином.

Восьмой был не Генри и не Уильямом, а потому граф сжал губы, устремив вопросительный взор уже на главу совета. Тот, однако, сделал вид, что все идет, как должно, и только продолжал обнимать толстыми нежными пальцами подлокотник своего деревянного трона. А когда прислуга с помощниками потянулась к последнему мертвецу, замотанному в желто-оранжевое одеяло с вышитыми ромбами, тут уже и граф, и аристократ скрестили свои взгляды, будто клинки, в решающем немом поединке.

Одеяло начали неторопливо разматывать, обнажив сначала босые белые ступни, затем нижнюю часть тела нагого мужчины, пока не подошли к плечам.

Филипп из-под бровей глядел, как лицо мертвеца освободилось от стягивающих оков покрывала. Это был не Уильям... К последнему трупу склонились сразу несколько слуг, впиваясь клыками в побелевшие от смерти запястья. А граф посмотрел на Летэ с затаенной злостью.

– Где Уильям?

– Девятеро, как мы договаривались! – вмешался аристократ, перебив. – Карту! – и он повелительно протянул руку к графу.

– Сир'ес, где Уильям? – глухо повторил граф.

– На благо родного клана, Филипп, время от времени должно приносить определенные жертвы. Об этих жертвах мы не забудем и всегда будет чтить их. Это как кровь, что насыщает жилы клана, вливает в них силы для последующей жизни... – покровительственно отозвался Летэ. – Ты тоже претерпевал трудности – и теперь они окончились. Как окончилась и твоя роль стража карты. Передай ее, Филипп.

– Вы попрали собственное слово.

– Передай карту... Твои предки приносили мне священную клятву верности, которая перешла и к тебе, – ответил невозмутимо Летэ. – *И я взываю к ней. Передай!*

– Изволь, карту! – ядовито улыбнулся аристократ.

Филипп глядел на Гаара, настойчиво тянущего руку и уже открыто улыбающегося, ибо победа стала за ним. Глядел он и на Летэ, на лице которого царила непоколебимая уверенность в том, что его выгодный обмен – есть ценнейший вклад в жизнь клана. Нырнув под край котарди, граф достал сложенную карту с почерневшим от огня уголком. Все взоры обратились к нему. Все глядели на этот жалкий клочок бумаги, стоящий столь дорого... Однако вместо того, чтобы протянуть карту аристократу, Филипп распахнул металлическую дверцу фонаря. И швырнул бумагу прямо внутрь... Пламя внутри встрепенулось, разрослось и быстро залило промасленный пергамент.

– Нет нужного пленника – нет карты! – граф сказал это металлическим, холодным голосом, и рука его не на миг не дрогнула.

Наблюдая, как переменялся в лице Гаар, как резко пропало холодное величие Летэ, а сам глава даже привстал со своего резного кресла, продолжаясь впиваться пальцами в подлокотники, он все-таки позволил себе открыто усмехнуться. Он знал, что будет дальше, и рука его снова хищно упала к перевязи, где заласкала железо рукояти, готовая достать меч. На глазах всех огонь буквально за миг пожрал карту. С губ Гаара сорвался страшный вопль, совсем нечеловеческий. Вопль этот разнесся эхом в каждом углу замка, и даже в Йефасе все вздрогнули...

Глава 5. Отчий дом.

Жаркое лето было в разгаре. На раскаленных солнцем полях крестьяне срезали серпами колосья пшеницы, чтобы перевязать их в снопы. Иногда они снимали шляпы, дабы обмахнуться – ветра не было, и воздух стоял душный, тяжелый, совсем неподвижный. Вдалеке над полями высилась гора Брасо, которая тянулась острой верхушкой в ярко-голубые небеса, пронзая их. У подношья этой горы расстелился город-крепость Брасо-Дэнто вместе со своими многочисленными полями, графскими рощами, поселениями и садами, где деревья начинали тяжело опускать свои ветви от зреющих фруктов.

Йева выглянула из повозки, укрытой плетеной крышей, чтобы рассмотреть Брасо-Дэнто не из-за спины возничего, а вот так – во всей красе.

Целых три десятилетия этот вид будоражил ее мечты, проникал в дремотные сны, отчего она просыпалась в нетерпеливом ожидании. А когда она сидела в одиночестве на мысе Бразегмаут, то позволяла себе воображать, каким будет ее возвращение. И вот момент настал – повозка приближалась к ее отчему дому. И то был не сон, а явь. Вскоре она увидит любимые коридоры, по которым в детстве бегала, когда за ней гонялся ее смешливый брат. Ее смех тогда разносился с верхнего этажа до темниц, звенел каплей. Выскакивая из-за угла, Йева порой натывалась на приютившего ее графа и смущалась. Она краснела, теребила рыжую косу и извинялась, опуская взор, но граф никогда на это не серчал – лишь улыбался, да и пальцем разве что поучительно грозил.

Тогда Йева не понимала, почему ее не ругали за подобные шалости. А сейчас и сама она радовалась детскому смеху, чувствуя в нем необходимость – будто звук этот будил в ней жизнь.

Около нее спал маленький Ройс. Он подогнул колени, разлегшись на подушках, а голову положил матери на пышную юбку. Еще и под ухо подстелил ладошки, да к тому же и причмокивал губами во сне. Йева ласково пригладила его черные мокрые кудри, прилипшие к лицу, затем улыбнулась и вытерла сбегаящую по его лбу каплю пота. Самой ей было не жарко, хотя по лицам жнецов она и видела, что солнце их морит. Они сидели у стогов, прятались в тени; кто-то дремал, отдыхая, кто-то ел или пил из принесенных женщинами кувшинов воду. И графиня чувствовала странную сопричастность к этой жатве, к самой жизни, находясь среди этих

уставших людей, пусть на деле она и пребывала в повозке, что сейчас медленно ехала к Брасо-Дэнто.

Прикрыв глаза, она уже сама откинулась на подушки и обвила руками своего сына, не отпуская даже сейчас. Йева чувствовала, что ее счастье стало целиком зависеть от его счастья. Она радовалась, когда радовался он. Она плакала, когда плакал он... А когда произошел тот ужасный случай на опушке леса, она думала, что умрет на месте: от сердечной боли и вины за саму себя.

Тогда Ройс беспечно играл с вурдалаками – играл бесстрашно, как дитя, не знающее, что перед ним лежит мохнатая озлобленная смерть. На миг позабыв обо всем, Йева тогда залюбовалась цветением трав, поглядела на голубое небо – и случилась беда. Доселе глухо рычащий демон скинул с себя оковы хозяйки и резко вцепился зубами в ногу достающего его ребенка. Ей тогда показалось, что Ройс закричал не своим голосом. Но то кричал не он, а она – от ужаса. Ее сын же, странно сосредоточенный, молчаливый, пытался бить вурдалака по морде кулачками, лупил по глазам. Услышав крик, вурдалак оторвался от его ноги и заскулил – и непонятно было, кто испугался больше: Ройс, Йева или он. Но тогда Йева вдруг поняла, что нет для нее ничего важнее и дороже сына, и что сердце у нее дрожит за него, как за родного. С тех пор Ройс захромал, и эта его неуклюжая хромота, пока еще милая из-за детского возраста, стала напоминанием, как хрупка жизнь.

Потом неведомо откуда пришла болезнь, которая гуляла по городам: страшная, забравшая многих детей. Йева тогда сидела на подстилке, гладила своего лихорадящего ребенка и плакала от своей беспомощности, представляя, что с ней будет, если его жизнь, столь хрупкая, но ценная, оборвется.

Вздыхнув, она воздела глаза к небу, разглядывая его кусочки сквозь плетеную крышу повозки. Рукой она продолжала перебирать кудри спящего и вспотевшего Ройса. Он захныкал во сне, скривил губы и снова уснул блаженным детским сном. Ну а графиня опять едва выглянула из повозки, любуясь жарким простором вокруг себя, бесконечными полями, на более всего – небольшой точкой у подножья горы, которая росла и росла, чтобы превратиться в город-крепость.

Вскоре она увидит отца.

Предпоследние два его письма были нежны и полны родительской заботы, и, читая их, Йева понимала, что он ее по-прежнему любит. Может, он принял ее решение касавшего Ройса? Простил ее? Однако она была полна сомнений из-за самого последнего письма, пришедшего накануне... Оно выглядело странно. Обычной бодрости и энергичности в нем не чувствовалось, зато было вялое согласие на приезд нетерпеливой дочери...

Что произошло в совете после того, как обмен сорвался, Йева точно не знала. Говорят, что велисиал Гаар тогда порушил часть зала и напугал Йефасу своими воплями. А когда его тело изрубили на куски, то он в своей бесплотной форме пополз в сторону города, где снова вверг в ужас всех его жителей. Однако он так и не вернулся. В Брасо-Дэнто его тогда тоже не увидели, хотя именно там он должен был появиться в первую очередь – ибо мир был обещан лишь после завершения передачи карты. Потерпев поражение от объединенных сил старейшин в недолгой стычке у границ Солрага, Кристиан запросил недолгий мир и вернулся в Глеоф. Офуртгос тоже остался цел. Йева ничего не понимала. Она даже не понимала, каков статус своего отца в совете, когда он покинул его после продолжительного скандала и вернулся сюда. Говорят, его поддерживали многие северные старейшины, поэтому Летэ ему ничего не сделал. Все ждали ответной войны, но ее отчего-то не случилось. Йева хотела сама все узнать от отца, поэтому она непрестанно то глядела из повозки, то гладила своего сына. А тому все снился какой-то сон, судя по всему превеселый.

* * *

Встретил ее Брасо-Дэнто своей живостью и вечерним шумом. К тому моменту, как графиня получила разрешение вернуться в отчий дом, следы кратковременной войны, выраженные в подготовке к ней, уже исчезли. Только больше, чем обычно, стражи громыхало обитой железом обувью. А так купцы, обменщики, праздная знать – все они вновь собрались внутри стен. К тому моменту, как графиня въехала под арку ворот, изнуряющая жара уже иссякла, поэтому много кто еще сновал по улицам.

Повозка везла графиню по чистой широкой Парадной улице, взбираясь вверх, к замку. Колеса звонко гремели по мостовой, добавляя шума к народному гулу и крику мулов, которых выучили торговцы на площади. Ройс, который из-за жары то и дело изможденно спал, к вечеру оживился и весело запрыгал на коленях.

– Мама, мама! Что это? – пропищал он и показал пальчиком на высящийся замок.

– Это мой дом, – улыбнулась печально Йева.

– Дом?

– Да. Когда-то я здесь выросла.

Но Ройс, как всякий ребенок, уже отвлекся на пестро украшенные закрывающиеся прилавки. Он вытянул палец и бойко заголосил дать ему тех зеленых лент, что обвивали деревянную опору, на которой держался второй этаж магазинчика, отчего Йева лишь терпеливо усадила его обратно на колени.

Она вдыхала хлебный запах пекарен, глядела на Воронью площадь, где высился знаменитый Вороний Камень. Затем увидела до сих пор стоящие друг напротив друга бордель и храм Ямеса, отчего с улыбкой вспомнила их вечное соперничество, кому быть на главной площади. И все это ей казалось и старо, и ново, ибо она не узнавала никого из проходящих мимо – даже одеваться здесь стали иначе, предпочитая уже не котарди, а рубахи со штанами. Она все глядела и глядела вокруг, чувствуя, что она теперь не принадлежит миру Брасо-Дэнто. С ее колен все норовил спрыгнуть непоседливый Ройс, волосы которого растрепались и выбились из-под соломенной шляпы.

Наконец, уже на подступе к замку, когда дорога давала круто вверх, Йева увидела знакомую мантию управителя. Однако силуэт ей был не знаком. Услышав грохот копыт и шум повозки, мужчина обернулся. Это был Базил Натифуллус. Он удивленно вскинул и так вечно удивленно вскинутые брови и шепнул хрипло, будто не веря:

– Ах, Йева? То бишь Ваше сиятельство... Ваше сиятельство! – и он подбежал к повозке и раскланялся. – Вы явились!

– Явилась, – улыбнулась Йева, разглядывая его.

Как же скоротечно время, размышляла она. Базил сильно постарел за почти сорок десятилетий, несмотря на то, что был вампиром. Стройность его сменилась сутулостью, лицо осунулось из-за бремени ответственности, а на макушке заблестела плешь. Одни только уши, как обычно, торчали в стороны гордым знаменем.

Пользуясь случаем, управитель Базил тоже разглядывал свою госпожу. И он думал о прошедших годах, но думал с явной печалью, понимая, что песок времени сыплется между его пальцев, но никак не пальцев Йевы, которая до сих пор красива и молода. Граф Филипп тоже не менялся с годами, но все рождались, а он оставался в одном возрасте, старели, а он оставался таким же – поэтому всем был привычен его вечный облик. А вот его дочь, которая росла вместе с Базилом, восторженно в том воспоминания о молодости и об их любовных отношениях.

«Вот оно, как жизнь поворачивается», – горько подумал управитель и неожиданно почувствовал, как состарился он сам. Впрочем, сказал он иначе, тем более появление графини напомнило ему о текущих проблемах.

– Вы, госпожа, как нельзя вовремя приехали.

– Почему, Базил? Что-то случилось после возвращения отца из Йефасы? – она снова вспомнила тот странный тон письма.

– Много что случилось... – и он оглянулся.

– Но что именно? Отцу не пришлось по душе ваше управление с Брогмотом? Серчает?

– Если бы... Лучше бы серчал! Вот недавно Портон провинился, напутал очень серьезно с арендными платежами. Это юный помощник Брогмота. За такое бы господин наказал его в прошлые времена. А сейчас...

И Базил неуклюже замялся, не зная, как объяснить.

– Да вы сами увидите, госпожа... – тихо закончил он. – Вы нужны здесь, как никогда! Всегда были нужны, но сейчас без вас будет сложно! И Брогмота надо поумерить... его пыл поумерить. Он совсем совесть потерял. Обнаглел, вьется вокруг господина лозой, чувствуя, что тот растерял живость, подлизывается!

– О чем ты? Что стало с отцом?

Базил совсем растерялся. Он пошел рядом с медленно едущей повозкой, рассеянно разглядывая ребенка на руках Йевы, и они уже приблизились к железной решетке, которую сопровождение требовало поднять. Между тем, из верхних окон глядела почти вся прислуга, гадая, что же за гости явились. Поэтому Базил и потерял желание говорить – потому что все глядели и на него. А дела темные сейчас происходили в замке... Никогда не знаешь, не лучше ли промолчать и сделать вид, что тебя все это не касается?

Йева поняла, что управитель чем-то смущен. Тогда она подозвала к себе гвардейца и приказала поторопиться. Ее предчувствие радости от возвращения в отчий дом сменилось тревогой. Что происходит?

Отряд въехал под высокие ворота каменной крепости, которую никто и никогда не брал осадой. Хотя, надо сказать, никто и не пытался, ибо слава Брасо-Дэнто и его хозяина всегда отпугивала врагов от этой затеи. Йеву встретили вышколенные слуги. Все здесь было чисто, светло, просторно, не в пример офуртскому двору, отчего ей даже стало стыдно. Ройс тут же, как только представилась возможность, соскочил с колен матери и, прихрамывая, заковылял по двору, удивленно разглядывая огромных вороных коней подле конюшен, такие же огромные стены, и отчего-то весело хохотал, пыхтел и сам с собой говорил – перед ним распахнулся огромный мир. От этого зрелища Йева невольно улыбнулась, приказала кормилице последить за ребенком, чтобы он не угодил под копыта или колеса, а сама поспешно ступила внутрь замка.

Все внутри было, как в ее детстве. Все те же скамьи, а может и не те, да сделанные по тем же чертежам, чтобы убажить взор хозяина. Все те же серые стены, украшенные гобеленами с распахнувшим крылья вороном. Тревога ненадолго отступила. И Йева, пока управитель остался во дворе раздавать распоряжения касаясь прибытия гостей, стала медленно подниматься по лестничным ступеням.

Сейчас стоял ранний вечер, было еще светло. Значит, думала Йева, отец уже должен закончить с аудиенциями и приступить к корреспонденциям и отчетам. Все было ей так привычно, так близко душе, что она даже ускорила шаг с чинного, присущего графине, на девичий быстрый, будто этим шагом возвращая себя в те времена, когда был еще жив ее родной брат. Ах, Леонард... Она прошла по ковровой дорожке к кабинету, прильнула к двери из дуба, как ей показалось, даже теплой, и распахнула ее. Но внутри было темным-темно. Гардины задвинуты. Письма лежали высокими стопками на столе, необработанные. А за рабочим столом никто не сидел, и тихий мрак окутывал его со всех сторон. Разве не любил ее отец по вечерам заниматься спокойной работой?

Что-то в душе у Йевы всколыхнулось: темное и знакомое. Выйдя из кабинета, она прикрыла дверь, чтобы тут же столкнуться с казначеем Брогмотом. Тот сильно постарел. Ноги его, и так скрюченные колесом, скрючились еще больше и будто изломались в нескольких местах – до того жутко они выглядели в чулках. Сам Брогмот стал ниже, даже ниже Йевы, осев из-за преклонного возраста. Теперь его куцая бородка неопрятно торчала до середины груди, а нос силится дотянуться до бороды, обогнав ее, но ему пока это не удавалось.

– Ох, радость какая, госпожа! – угодливо прощептал Брогмот. – Как же мы вас ждали! Не поверите!

– Где отец? – Йева нахмурила брови, не ответив на улыбки казначея.

– Наш милостивый господин, любимый хозяин... Он отдыхает в своих покоях, – казначей подергал бороду.

– Отец никогда не отдыхает в такое время!

– Ну... Привычки вашего отца поменялись. Он не терпит, когда его беспокоят по пустякам – и теперь мы с Базилем стали его глазами, ушами и руками в управлении. Вы же ненадолго, как я понимаю?

Брогмот вновь расплылся в неприятной услужливой улыбке. Йева ничего не ответила. Чувствуя, как сгущаются над головой тучи, она вернулась к лестнице и стала подниматься на самый последний этаж. Казначей попытался ее догнать и обошел справа.

– Я должен оповестить его сиятельство о вашем приходе. Обождите... да обождите же...

– Я – его дочь!

– Нисколько не умаляю этого, помню, как сумму казны! Но таковы нынешние правила!

Но Йева уже поднималась по винтовой лестнице. Что-то нехорошее происходило среди родных стен. Нечто похожее, как ей казалось, некогда витало и в офуртском замке, отчего она от тоски тогда растеряла всякое желание даже шевелиться. Хотя в последние два года, как появился Ройс, эта тоска и улетучилась, но графиня чувствовала, что она улетучилась сюда – в эти комнаты. Однако ей не верилось. Ее отец никогда не поддавался унынию. Всегда его поступками верховодила деятельность, выверенность, и Йева восхищалась этими качествами, осознавая неспособность делать также. Граф был неподвластен той слабости, которой предавалась она сама, за что себя и винила. Но что происходит сейчас?

Верхний этаж был мрачен. Йева прошла по ковровой дорожке, мимо бывшей комнаты Леонардо, подходя к гостевой, где сначала жил Гиффард, потом недолго – и Уильям. Она ступала шаг за шагом и миновала половину коридора, когда услышала, как тихо открылась дверь. Отец мягким шагом вышел, одетый в свой зеленый котарди. Его седые волосы, однако, в хвост как обычно собраны не были. Он остановился, спокойным взором разглядывая гостью.

– Папа... – шепнула она и скромно улыбнулась. Сердит ли он на нее за Ройса?

Филипп тоже улыбнулся. В душе у Йевы расцвела радость. Ей почему-то снова вспомнилось былое, когда они вот так встречались в коридоре: ее отец шел по делам, спускаясь в кабинет, а она, наоборот, возвращалась из города.

– Мама! Иди ко мне! Ты где? Мама!!! – донесся вдруг требовательный детский крик снизу.

Йева поддалась этому зову и невольно сделала пару шагов назад под пристальным взором отца. И увидела, как улыбка того потухла – видение прошлого тоже упорхнуло от него. Филипп качнул сам себе головой, будто его слабые надежды не оправдались, затем прошел мимо дочери и спустился, дабы проверить работу прислуги во дворе. Следом за ним пошла и Йева, чувствуя необходимость показаться своему встревоженному пропажей матери сыну, чтобы успокоить его. Вскоре граф вернулся к себе, такой же молчаливый.

* * *

Еще позже Йева была уже в кабинете, ломая руки и ходя из угла в угол, отчего ее платье шелестело по полу. На кушетке сидел уставший Базил, который то и дело прислушивался ко звукам извне. В последнее время все друг друга подслушивали. Интриги, доселе невиданные для замка Брасо-Дэнтто, ибо его хозяин всегда отличался умением искоренять их, начали плестись, как никогда ранее.

– Почему это произошло? Почему? – шептала Йева, боясь, что ее слова долетят до чутких ушей отца. Не хотела она, чтобы ее слышали и другие обитатели замка.

– Не знаю, – вздохнул управитель. – Ваш отец вернулся сам не свой.

– Он один вернулся?

– Нет. Вместе с помещиком Ольстером и ярлом Барденом. Видимо, встретился с ними, когда они сопровождали сдавшегося в плен императора до Глеофа. Те некоторое время пробыли здесь, а потом уехали к себе в Филонеллон. Но пока они были здесь, мы отчасти узнали, хотя и не все. В Йефасе произошел скандал. А продолжился здесь, в кабинете. Я сути не знаю, но ваш отец... Он... Они сильно ругались с ним, эти старейшины. Мы так поняли, что в конце концов они выступили заверителями его воли и помогли оформить ему завещание.

– Завещание!? – едва не вскрикнула Йева, схватившись за голову.

– Да. Оно лежит в его покоях, запечатанное, – голос у Базила сел. – А когда старейшины уехали, то началось. Мы не знаем, кого он назначил преемником. Да и назначил ли? Господин Тастемара молчит. А никто и не спросит... Но все видят... Поэтому... Все начали врать, льстить. Кто крадет, понимая, что хозяин больше не следит за казной так тщательно, кто пытается... – и Базил вслушался, не стоят ли за дверью, – кто пытается сделать так, чтобы выбрали преемником его, пытается захватить власть в замке, хотя и не официальную. Тебя... то есть вас не хватало, Йева. Не покидайте замок. Сходите к нему, прошу вас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.